

ПРЫГУНЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

ЭМИЛЬ

Саид Мариф

Прыгуны. Книга первая: Эмиль

«Автор»

2026

Мариф С.

Прыгуны. Книга первая: Эмиль / С. Мариф — «Автор», 2026

Эмиль привык умирать. Каждая смерть для него — лишь начало новой жизни в другом мире и чужом теле. На этот раз ему достаётся имя Барнаби, профессия Трополаза и контракт: провести экспедицию в Хрустальные Хребты, где уже бесследно исчезли три отряда. Но чем ближе экспедиция подходит к горам, тем меньше происходящее похоже на обычную магическую аномалию. Неизвестные враги используют силу, которой здесь не должно существовать. Стезетр Эмиля начинает ошибаться. А затем один неверный шаг разделяет экспедицию, разбрасывает по мирам, о существовании которых они даже не подозревали. Теперь Эмилю предстоит понять, кто открыл дорогу между реальностями, вернуть тех, кого он обещал привести домой, и решить, насколько далеко он готов зайти ради людей, которые для бессмертного странника должны были стать всего лишь очередными попутчиками. Потому что иногда самый опасный путь — не тот, с которого нельзя вернуться. А тот, после которого уже невозможно остаться прежним.

© Мариф С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Саид Мариф

Прыгуны. Книга первая: Эмиль

Глава 1

Утро наступило без предупреждения и, как обычно, без малейшего уважения к человеческому достоинству.

Эмиль открыл один глаз и сразу понял две вещи: он больше не на Церере, а тело, в котором он проснулся, вчера обращалось с алкоголем как с личным врагом, которого нужно победить любой ценой.

— О-о-о... — выдавил он. Голос звучал так, будто его пропустили через камнедробилку.

Он лежал на спине, уставившись в потолок. Последнее воспоминание пахло шампанским из пыльцы лунных лилий: Церера, дворец князя Астероидных Поясов, хрустальный купол и звёзды, которые смотрели на него так, будто тоже собирались продолжить банкет.

Эмиль моргнул. Над головой вместо звёзд и вакуума были толстые, подозрительно пахнущие дёгтем дубовые балки. Воздух вокруг всё ещё слабо искрил, а на языке таял горьковатый привкус космической пыли — верный признак того, что переход завершился буквально только что.

— Так, — прошептал он, пытаясь нащупать связь с реальностью.

Пл-оп! — так он называл перемещение между мирами. Обычно после него сначала приходили боль, запахи и чужие мозоли. Потом — имя. Потом — долги, враги и прочие подробности, из-за которых имя начинало казаться самой безобидной частью новой жизни.

На этот раз переход случился во сне. Эмиль терпеть не мог, когда Мультивселенная проявляла инициативу.

Эмиль медленно сел. Кровать под ним жалобно скрипнула на языке, понятном только термитам. Он осмотрел свои руки. Они были грязными, мозолистыми и принадлежали человеку, который явно зарабатывал на хлеб чем-то более тяжёлым, чем дегустация редких вин.

— Великолепно, — пробормотал он.

Это было почти утешительно. Законы физики менялись. Цвет неба менялся. Количество пальцев иногда тоже. А вот Эмиль с утра всегда хотел воды и умереть.

Эмиль осторожно, стараясь не расплескать остатки мозга, сполз с кровати. Ноги коснулись холодного, неровного каменного пола, и от ступней по всему телу пробежала неприятная дрожь.

Он подошёл к окну. В лицо ударил воздух, густой и многослойный. За окном лежало Средневековье — или что-то достаточно похожее, чтобы сразу захотелось проверить зубы, кошелёк и наличие ближайшего выхода.

— Опять... — вздохнул Эмиль, прислонившись лбом к холодной каменной стене. — Грязь, суеверия и отсутствие нормальной стоматологии.

В прошлой жизни (которая закончилась вчера на Церере) его пальцы изящно сжимали бокал с шампанским, а теперь они выглядели так, будто ими пытались остановить взбесившийся мельничный жёрнов.

«Интересно, — подумал он, — в этой версии реальности я хотя бы умею читать? Или мой предел мечтаний здесь — это не быть съеденным волками по дороге к колодезю?»

Он оглядел комнату в поисках зеркала или хотя бы ведра с водой. Ему крайне необходимо было узнать, с каким лицом ему придётся торговаться за завтрак, и убедиться, что эволюция в этом мире не наградила его жабрами или третьим глазом на затылке.

Только теперь Эмиль заметил, что комната была не такой уж пустой. У стены стояла дорожная сумка, старая, потёртая, но сшитая с такой любовью к ремням, карманам и тайным отделениям, какую обычно проявляют люди, которым часто приходится убегать от погоды, зверей и налоговой.

В углу стояло треснувшее зеркало. Из зеркальных глубин на него взглянуло лицо, которое, к счастью, не вызвало немедленного желания вызвать экзорциста. Вполне приличный экземпляр: не старый, с челюстью, способной разгрызть орехи, и глазами человека, который знает о жизни чуть больше, чем положено крестьянину. На левом предплечье виднелась вязь старых шрамов, складывающихся в сложный геометрический узор — местный аналог профессиональной лицензии.

На спинке стула висел плащ, изнутри исписанный мелкими отметками: узлы, значки, стрелки, короткие слова на полустёртых языках. На полу валялась карта, но не обычная, а многослойная: поверх рек и дорог были нанесены странные линии, похожие на трещины в стекле.

Эмиль поднял карту, повертел её в руках и понял, что не понимает ни одного обозначения.

А потом понял, что пальцы понимают.

Они сами нашли север, сами отметили изгиб реки, сами задержались на тонкой голубой линии, уходящей к горам.

— Так, — сказал Эмиль. — Кажется, я здесь не просто пьющий турист.

Рядом стоял кувшин, запах из горлышка которого мог бы сбить на лету неосторожную муху. Эмиль, повинаясь инстинкту, который за сотни лет стал острее бритвы, сделал осторожный глоток.

— Ох... — он удивлённо причмокнул. — Это же... «Шато-де-Помойка» урожая прошлого года? Нет, на вкус на удивление прилично.

Вино оказалось тем самым магическим эликсиром, который заставляет шестерёнки реальности вращаться чуть менее болезненно.

Одежда тоже не подвела. Это был не шёлк князей Цереры, но и не мешковина, от которой чешешься даже в следующей жизни. Добротный суконный камзол, штаны, которые не пытались развалиться при первом шаге, и — о, чудо! — кошель. Эмиль взвесил его на ладони. Приятный, тяжёлый звук серебра отозвался в его душе нежной мелодией.

Но тут его желудок издал звук, очень похожий на рык раненого дракона. Зверский голод, верный спутник любого уважающего себя Прыгуна, напомнил, что прыжки между мирами — штука беспощадная. Перемещение сжигает столько калорий, будто ты пробежал марафон, неся на плечах рояль.

— Сначала — топливо, — решил Эмиль, направляясь к двери. — К чёрту поиски высшего смысла, если в животе такая пустота.

Он осторожно спускался по лестнице, которая под его весом стонала так драматично, словно была сделана из деревьев, которые при жизни мечтали стать скрипками.

Внизу, в общем зале, жизнь уже была ключом, причём, судя по запаху, ключом разводным. Несмотря на то что солнце только-только начало подглядывать в окна, зал был наполовину полон. Люди здесь обладали той удивительной утренней энергичностью, которая обычно свойственна только обитателям серых и невзрачных миров, застрявших в Средневековье.

Эмиль, стараясь не привлекать внимания к своему новому «я», проскользнул в самый дальний угол. Столик там был липким, но зато стратегически выгодным: спина защищена стеной, а из тени удобно наблюдать за тем, как эта реальность пытается притвориться нормальной.

— О, проснулся наконец, Барнаби! — раздался звонкий голос. Эмиль вздрогнул. «Барнаби?» — подумал он. Что ж, могло быть и хуже. В одной из реальностей его звали Пупусик, и это были самые долгие три дня в его жизни.

К столу шла девушка. Она ловко лавировала между столами, неся на одной руке поднос, на котором было столько посуды, сколько не каждый атлант удержал бы на плечах. Подойдя к столу, она посмотрела на него с той смесью жалости и иронии, которую обычно берегут для любимых, но безнадёжных родственников.

— Ну что, — спросила она, вытирая стол фартуком, который, судя по пятнам, был свидетелем как минимум трёх гражданских войн, — тебе как обычно?

«Как обычно». Два самых опасных слова в любой новой жизни. После них человеку могли принести чашку травяного настоя, жареную рыбу, долговую расписку или сырое сердце кабана.

— Да... — выдавил он, придав голосу максимальную уверенность человека, который точно знает, чего хочет, но слишком аристократичен, чтобы это называть. — Именно так. Как обычно. Сегодня... особенный день, так что не скупись.

Девушка хмыкнула и умчалась в сторону кухни.

Эмиль облегчённо выдохнул и прислушался. Гул голосов в зале был похож на потревоженный улей. За соседними столами только и разговоров было, что о каком-то грандиозном событии.

— Говорят, сам лорд де Понс выставил своего лучшего бойца! — гремел какой-то бородач, размахивая куском колбасы.

— Пфе! — отозвался его сосед. — Паладины Ордена Святой Кочерги, как их тут зовут за глаза, в этот раз настроены серьёзно. На турнире будет такая рубка, что кузнецы озолотятся на правке доспехов!

— Скорее бы уже... На турнире паладинов всегда лучший эль в округе!

Эмиль прищурился. Орден Святой Кочерги? Если местные религиозные воины черпают вдохновение в печных принадлежностях, турнир обещал быть как минимум нескучным.

«Барнаби, — размышлял он, барабанив пальцами по столу. — Интересно, Барнаби — это мастер меча, местный дурачок или просто парень, который удачно нашёл кошель с серебром?»

Эмиль вздрогнул, когда девушка с грохотом опустила перед ним поднос. На нём лежало нечто, подозрительно напоминающее кусок жареного грозового облака, гарнированное яркосиними побегами чего-то, что, возможно, ещё утром имело собственное мнение о жизни. Компанию этому кулинарному ребусу составлял пузатый глиняный кувшин с вином.

Девушка, прежде чем уйти, ткнула пальцем в кувшин.

— Это не пить залпом. Ты сам просил напоминать.

Эмиль посмотрел на кувшин.

— Я?

— Ты. После прошлого раза сказал: «Если я снова попытаюсь залить этим похмелье, бей меня по рукам».

— И ты была?

— Два раза. Потом ты сказал, что терапия помогает.

Эмиль уважительно посмотрел на отсутствующего Барнаби.

— Начиная ценить этого человека. Он хотя бы пытался выстроить систему.

Выглядело блюдо, мягко говоря, не аппетитно. Он рискнул. Через пять минут тарелка сияла первозданной чистотой.

Эмиль откинулся на спинку стула, и в этот момент на сытый желудок память наконец соизволила навести порядок в его голове. Туман «вчерашнего» развеялся, и он осознал, кто он в этой версии реальности.

Он был Трополозом. Официально — путешественником, картографом и первооткрывателем, а неофициально — одним из немногих людей, способных найти единственный верный путь в любой ситуации. Его нынешний путь лежал к Хрустальным Хребтам Азурита — леген-

дарным пикам на горизонте, которые светились по ночам холодным голубым светом и, по слухам, имели целую кучу вредных привычек. Большинство из которых были смертельными.

Лорд де Понс, правитель Саксона, нанял Барнаби как Трополаза, чтобы найти дорогу, которая не убьёт всех участников экспедиции.

Но Барнаби, будучи человеком, который ценил эстетику момента, решил совместить визит к лорду с посещением проходящего неподалёку Турнира Паладинов. В конце концов, смотреть на то, как люди в консервных банках пытаются доказать свою значимость, — одно из древнейших развлечений во всех известных вселенных.

— Хрустальные Хребты подождут, — пробормотал Эмиль, вытирая рот рукавом своего вполне приличного камзола. — Горы стоят там миллионы лет, вряд ли они убегут куда-то в ближайшие дни.

На поясе у камзола висел тяжёлый латунный прибор. Эмиль сначала принял его за слишком самоуверенный компас, потом — за карманные часы, потом — за маленький храм безумного механика. Теперь память Барнаби услужливо подсказала: это стеземетр.

Стеземетр был штукой редкой, капризной и крайне личной. Эмиль не сталкивался ни с чем подобным, хотя в одной из прошлых жизней — в мире, одержимом собственными выдуманными историями — видел кое-что похожее. Там один пират носил за пазухой компас, который показывал не север, а то, чего его владелец хотел больше всего на свете. Полезная вещь, если знать, чего хочешь. Стеземетр работал иначе. Он не спрашивал, чего ты хочешь. Он знал выбранную тобой цель и указывал верный путь — не кратчайший, не безопасный, не тот, который понравился бы разумному существу с крепкими сапогами и любовью к долгой жизни, а именно верный: тот, по которому Трополаз ещё мог добраться до выбранной цели. Каждый такой прибор настраивали под одного владельца — под его шаг, волю, кровь и странное внутреннее чувство дороги. В чужих руках стеземетр становился просто дорогой латунной безделушкой, способной разве что красиво поблёскивать и уверенно молчать.

Крышка открылась с тихим щелчком. Под стеклом лежала тонкая стрелка и поблескивала крошечная линза.

Стрелка указала на дверь.

Потом, словно передумав, с достоинством сделала полный оборот и ткнулась в сторону кувшина.

— Вот это я понимаю, — сказал Эмиль.

И взял кувшин.

Стрелка тут же дрогнула, словно обиделась, и указала куда-то на северо-восток. За окном, за крышами, за дымом и петушиным самодовольством утра, в той стороне должны были лежать горы.

На стекле прибора выступила тонкая полоска голубого инея.

Эмиль медленно закрыл крышку.

— А вот это уже похоже на работу. Неприятно.

Профессия обязывала его знать дорогу, но интуиция Прыгуна подсказывала, что самая интересная тропа сегодня ведёт напрямик на турнирную арену. Кроме того, турнир был не только развлечением. Там будут люди де Понса, паладины, наёмники, проводники, пьяные ветераны и самые свежие слухи. Если Барнаби хотел понять, что творится вокруг Хрустальных Хребтов, арена была не худшим местом для начала.

По крайней мере, там должен быть хороший эль.

Дорога к хорошему элю оказалась не просто долгой — она явно полагала, что достойный напиток должен сперва убедиться в серьёзности намерений путника.

Место проведения турнира, известное в округе как Замок Опалённой Розы, находилось в паре часов неспешной ходьбы от Грязноводска. Путь к нему пролегал среди пейзажей, достой-

ных королевской галереи, хотя королевские художники обычно благоразумно не передавали запахи.

Раньше здесь обитал могущественный Орден Паладинов Светоносной Розы, пока в один «прекрасный» четверг их не решили стереть из того, откуда обычно стирают ордена. Этот день официальные хроники называли «днём очищения грешников», а люди без должного уважения к канцелярии — резнёй.

Местные жители, люди практичные, быстро поняли, что название “Светоносная Роза” больше не соответствует состоянию недвижимости. “Опалённая Роза” звучало честнее.

Но, как это часто бывает, после “очищения грешников” природа расцвела с такой силой, будто земля решила извлечь из трагедии хоть какую-то практическую пользу.

Эмиль шёл по цветочному лугу, где пчёлы жужжали так громко и лениво, будто им платили почасовую ставку. Замок возвышался впереди — шедевр готической архитектуры с острыми шпилями, которые теперь, вместо того чтобы грозить небесам праведным гневом, гостеприимно принимали в свои ниши аистов и плющ.

— Идеально, — пробормотал Эмиль, поправляя ремень своей сумки. — Определённо, в вырезании орденов есть какая-то неуловимая эстетика.

Вокруг него тянулись вереницы людей. Крестьяне в воскресных рубашках, торговцы, предлагающие вам всё, о чём ваша душа даже не догадывалась, и, конечно же, паладины, каждый со своим оруженосцем. Звенели они всем, чем только можно было звенеть, так активно, будто надеялись распугать саму смерть.

Эмиль остановился на пригорке, достал стеземетр и для порядка покрутил его в руках. Латунный прибор был настроен на Хрустальные Хребты — так, чтобы в любой момент знать, в какой стороне цель.

Стрелка показывала север.

Потом — северо-северо-запад.

Потом снова север, но как-то неуверенно, словно сомневаясь.

Потом она остановилась и задрожала мелкой, почти незаметной дрожью, как живое существо, почуявшее что-то неприятное.

Эмиль нахмурился. Стеземетры не дрожали. Это были точные приборы, которые делали одно из двух: либо показывали направление, либо честно признавались в поломке. Промежуточных состояний у них не было.

Он постучал по корпусу пальцем.

Стрелка успокоилась и снова уверенно уставилась на север.

— Ну и ладно, — пробормотал Трополаз, убирая прибор. — Наверное, залежался.

Он двинулся вниз по склону к ярмарке, стараясь не думать о том, что стеземетры не залёживаются. Они не залёживаются, не устают и не нервничают. По крайней мере, ни один из тех, что Барнаби видел раньше.

Турнирная ярмарка представляла собой огромный, пульсирующий организм, главной целью которого было извлечение звонкой монеты из карманов зевак любыми, даже самыми антисанитарными способами.

Здесь продавали всё, что можно было благословить, подделать, поджарить или завернуть в тряпицу с надписью «древнее».

Эмиль прошёл мимо лотка с подлинными зубами святого Пафнутия и отметил, что святой, судя по ассортименту, при жизни обладал челюстью весьма воинственного крокодила. Затем увернулся от торговли амулетами от сглаза, чей собственный глаз дёргался с такой убеждённостью, что реклама выходила неубедительной.

После этого он остановился у тележки, над которой вился густой мясной пар.

Продавец — пузатый мужичок с бегающими глазками и статичной улыбкой, производивший впечатление человека, способного продать песок в пустыне, — тут же материализовался перед Эмилем.

— Знаменитый Героический Пирог, милсдарь! — затараторил торговец. — Рецепт древний, как стены этого замка! Придаёт сил, отваги и желание совершать подвиги — желательно не раньше, чем будет съеден последний кусок!

— Нет, спасибо. Подвиги на сегодня не запланированы, — осторожно ответил Трополаз. — А вносить изменения в расписание после завтрака я считаю дурной приметой.

Торговец посмотрел на него с искренним разочарованием человека, у которого на глазах рушилась чужая героическая судьба.

Отказавшись от пирога, немного побродив между прилавками, Эмиль заметил, что ярмарочная площадь стремительно пустеет. Это не было похоже на панику — люди не вопили, не бросали недоеденные яблоки и не топтали друг друга, спасаясь от внезапно вырвавшегося на свободу дракона или взбесившегося боевого козла. Нет, толпа рассасывалась деловито, организованно и как-то буднично.

Эмиль, не теряя времени на раздумья, влился в хвост человеческой реки, добровольно отдаваясь во власть великого, древнего и абсолютно безотказного стадного инстинкта.

Обогнув последнюю башню, массивную и густо поросшую мхом вперемешку с застарелой копотью, Эмиль был готов увидеть что угодно: явление демона, бунт крестьян или, на худой конец, массовую драку. Но местная реальность оказалась куда громче, пыльнее и азартнее.

Сразу за замком начиналось огромное открытое пространство, плотным, гудящим кольцом окружённое тысячной толпой зрителей. Эмиль протиснулся сквозь ряды зевак, выбрался в первый ряд и замер от неожиданности.

Перед ним лежал идеально выверенный овальный трек. Вытоптанная до состояния каменной твёрдости земля, чёткие радиусы поворотов, деревянные отбойники — всё это до боли напоминало Эмилю профессиональные гоночные кольца из его самого первого мира. Разница заключалась лишь в том, что вместо гладкого асфальта здесь была утрамбованная грязь, а вместо ревущих плазменных двигателей воздух разрывало яростное ржание и мерный, сотрясающий землю стук копыт.

Официальная гонка, судя по всему, ещё не началась. Сейчас на трассе шёл разогрев. По кольцу, поднимая густые тучи пыли и закладывая лихие виражи, неслись настоящие боевые колесницы. Это были лёгкие, хищные конструкции из прочного дерева и кованой бронзы, запряжённые превосходными скакунами. Возницы в лёгких доспехах разных цветов уверенно правили четвёрками лошадей, проверяя сцепление с грунтом и присматриваясь к соперникам.

Толпа редела, деловито оценивая шансы каждого экипажа. Здесь пахло настоящим адреналином, скоростью и очень большими деньгами.

Внезапно на плечо Эмиля опустилась тяжёлая, закованная в латную перчатку рука. И опустилась так, что обычный человек ушёл бы по щиколотку в землю.

— Ржавый Свет! Я бы узнал эту сутулую, похмельную осанку из тысячи! — прогудел над ухом густой, рокошующий бас. — Не думал, что ты променяешь свои обожаемые болота на поток свежей пыли!

Эмиль обернулся. Перед ним возвышался мужчина в доспехах, которые кардинально отличались от тех сияющих парадных консервных банок, что красовались перед замком. Эти латы были матовыми, покрытыми сетью глубоких царапин и вмятин — следами настоящих, а не турнирных сражений. Лицо паладина пересекал старый шрам, но серые глаза смеялись.

Память Барнаби услужливо выдала нужный файл. Сэр Годфри из Ордена Святого Железного Дуба. Паладин-ветеран, с которым они вместе прошли две крайне скверные королевские экспедиции на Северные Рубежи. Это был человек, который уважал хорошего Трополаза

больше, чем любого генерала. Потому что генералы умеют только посылать на смерть, а Трополазы — ещё и возвращать оттуда живыми.

Ещё он вспомнил, что Барнаби, так же как и он, недоумевал, как железный дуб может быть святым. Но спросить напрямую сэра Годфри не отваживался.

— Сэр Годфри, — Эмиль позволил себе скупую, профессиональную улыбку, потирая ушибленное плечо. — Рад видеть вас в добром здравии. Судя по количеству вмятин на вашей кирасе, королевская служба всё так же полезна для здоровья. Что вы здесь забыли? Я думал, Железные Дубы не опускаются до участия в ярмарочных потехах.

— А мы и не опускаемся, — Годфри хмыкнул, опираясь на ограждение арены и кивая в сторону трека. — Официальный турнир — это для молодняка, чтобы девкам глазки строить. А вот Большие Гонки — это политика, Барнаби. Политика и очень большие деньги.

Паладин указал массивным пальцем на проносащуюся мимо колесницу, украшенную чёрно-золотым гербом.

— Пять великих орденов, по две колесницы от каждого, — сказал Годфри. — Ещё две выставляет лорд провинции. Итого двенадцать экипажей, двенадцать поводов для гордости и примерно столько же способов переломать себе шею. Победа даёт престиж, контракты и право год смотреть на остальных сверху вниз. Поэтому едут они не осторожно.

Годфри многозначительно посмотрел на Эмиля.

— Никаких копий и луков, разумеется. Но... притирать к бортам, подрезать и использовать кнуты с утяжелителями не запрещено. До финиша доедут далеко не все двенадцать, друг мой.

— Сэр Годфри, — задумчиво произнёс Эмиль, провожая взглядом колесницу, у которой на ходу подозрительно скрипело левое колесо. — Я абсолютно уверен, что человек с вашим богатым жизненным опытом не только досконально знает правила этого узаконенного членовредительства, но и обладает не менее глубокими познаниями о том, где в этом хаосе можно раздобыть глоток хорошего вина. Или хотя бы такого, от которого не слезает эмаль с зубов.

Годфри расхохотался. Звук его смеха напоминал грохот телеги с металлоломом, весело катящейся по крутой булыжной мостовой.

— Как говорится у нас в ордене, — отсмеявшись, торжественно изрёк паладин, наизада-тельно подняв вверх закованный в сталь палец, — неисповедимы пути, ведущие к Святому Железному Дубу. Но из всех путей лучше всего выбрать тот, на котором стоит хороший трактир!

Паладин снова хлопнул Эмиля по плечу (в этот раз Трополаз успел вовремя сгруппироваться) и кивнул в сторону массивного шатра из плотной серой парусины, возвышавшегося на небольшом пригорке чуть поодаль от основной ревущей толпы. Над входом болтался выцветший флаг с эмблемой перечёркнутой подковы.

— Там квартируют ветераны, и те, кто делает ставки крупнее медного гроша. У них есть отличный обзор на первый поворот — самое кровавое место трассы. Пошли, угощаю. Заодно покажу тебе, кого выставил на эти гонки наш орден. Поверь, это зрелище стоит кувшина лучшего вина!

Глава 2

Внутри шатёр разительно отличался от пёстрого, крикливого балагана снаружи. Здесь не было случайных зевак — только люди с лицами, похожими на старые тактические карты, где шрамы заменяли реки и границы государств. Пахло дорогой кожей, трубочным зельем, оружейной смазкой и — хвала всем богам мультивселенной — действительно приличным вином.

Годфри по-хозяйски кивнул паре угрюмых ветеранов, уверенно провёл Эмиля мимо длинного стола, где букмекеры деловито взвешивали серебро на точных весах.

Из задней части шатра широкий проход выводил на деревянный помост — нечто вроде почётной ложи, приподнятой над землёй и отгороженной от пыльной трассы толстыми дубовыми перилами. Места здесь и впрямь были отличные: помост нависал прямо над стартовой линией, обеспечивая панорамный вид на весь трек и, в особенности, на тот самый первый, коварный поворот, о котором упоминал паладин.

Молчаливый послушник тут же материализовался рядом, всучив Годфри и Эмилю по тяжёлому серебряному кубку, до краёв наполненному густым тёмно-рубиновым напитком.

— За благополучное возвращение из болот, Барнаби! — рокотнул Годфри, чокаясь своим кубком с такой силой, что Эмиль чудом спас половину вина от расплескивания.

Эмиль сделал осторожный глоток и прикрыл глаза. Вино оказалось превосходным — терпким, с благородными нотками сухофруктов, орехов и специй. Оно мягко прокатилось по горлу, заставляя Эмиля окончательно примириться с идеей пережить в этом мире парочку приключений.

— А теперь смотри, — с ноткой предвкушения в голосе произнёс Годфри, облокотившись на перила и указывая массивным пальцем вниз, на трассу.

Там, поднимая тучи пыли, экипажи как раз заканчивали разогрев и тяжело выстраивались на стартовой решётке.

— Вторая позиция от внутреннего края трека, — пояснил паладин. — Наша гордость и главное инженерное чудо кузнецов ордена.

Эмиль проследил за его взглядом, прищурился сквозь оседающую пыль и поперхнулся отличным вином.

На второй позиции стояла вовсе не бронированная осадная башня на колёсах, какую логично было бы ожидать от ордена суровых рубак. Там стояла колесница, запряжённая четырьмя поджарыми, сухо сложенными, золотисто-гнедыми пустынными скакунами. Животные нервно переступали тонкими ногами, готовые в любой момент броситься вперёд. Сама колесница выглядела так, будто весила меньше, чем один наплечник Годфри — изящная, почти невесомая конструкция из гнутого южного дерева и тонкой бронзы.

Но главным потрясением стала сама возница.

Поводья небрежно, одной рукой держала женщина. Явно с Дальнего Юга. Смуглая кожа, длинные развевающиеся чёрные как ночь волосы и наряд из лёгкой кожи и ярких шёлков, который на фоне местной серой грязи и ржавого железа смотрелся как экзотическая райская птица, случайно залетевшая на скотный двор. Она лениво жевала какую-то травинку, с откровенной скукой разглядывая пыхтящих, закованных в броню мужиков-соперников.

Эмиль откашлялся, вытирая тыльной стороной ладони пролитое на подбородок вино.

— Сэр Годфри... — медленно произнёс он. — При всём моём уважении к вашим догмам, эта леди выглядит так, будто скорее продаст ваш Святой Дуб на дрова, чем помолится ему. Я и не знал, что ваш орден принимает в свои ряды южных наёмниц в шелках.

Годфри добродушно хохотнул, не сводя гордого взгляда с экзотической гонимой.

— А мы и не принимаем. Её зовут Заира, она не верит ни во что, кроме звонкой монеты, и её гонорар заставил нашего казначея рыдать горячими слезами три дня кряду, — паладин сделал солидный глоток из кубка. — Но видишь ли, Барнаби, мы, Железные Дубы, люди практичные. Мы быстро поняли одну непреложную истину: железо отлично подходит для того, чтобы проламывать черепа еретикам, но оно чертовски плохо входит в крутые повороты.

Эмиль снова перевёл взгляд на трассу. Заира тем временем поймала на себе полный ненависти взгляд соседнего гонщика — огромного детины на тяжеловозах — и в ответ послала ему такой ослепительный, зубастый и хищный оскал, что детина невольно отшатнулся.

— К тому же, — философски добавил Годфри, — она весит как мой левый сапог, ругается на нескольких мёртвых языках и способна прогнать колесницу по лезвию ножа. Ставлю месячный оклад, что к третьему кругу она оставит этих бронированных идиотов глотать пыль.

Эмиль сделал ещё один, уже более уверенный глоток, не сводя глаз с линии старта. Лошади нервно всхрапывали, возницы обменивались многообещающими взглядами, в которых читались подробные планы чужих похорон.

— Завораживает, — признался Трополаз. — Но скажите мне, сэр Годфри, прежде чем эта деревянная мясорубка придёт в движение... Каков регламент? Сколько длится гонка, и есть ли здесь вообще какие-то правила, кроме «постарайся не умереть до первого поворота»?

Годфри искренне возмущился, хотя в его серых глазах заплескались весёлые искры.

— Правила? Обижаешь, Барнаби! Мы же цивилизованные люди. Правила Больших Гонов высечены в камне. Буквально. Вон там, у судейской вышки стоит здоровенная гранитная плита, потому что пергаментные свитки постоянно рвались, когда возницы пытались задушить ими друг друга ещё до сигнала.

Паладин со звонким лязгом загнул первый, закованный в сталь палец.

— Во-первых, дистанция. Семь кругов. Или до тех пор, пока на ходу не останется только одна колесница. Как показывает местная практика, до седьмого круга добираются так редко, что половина зрителей вообще не умеет считать дальше пяти.

Годфри загнул второй палец.

— Во-вторых, ограничения по арсеналу. Как я уже говорил, луки, арбалеты и метательные копья строго запрещены. Пару лет назад, во время выездного турнира в одном из южных султанатов, случился пренеприятнейший дипломатический инцидент. Шальная стрела прошила навылет многослойный парадный головной убор жены местного аятоллы. Сама жена, хвала небесам, не пострадала, но скандал заминали полгода. С тех пор всё оружие на треке должно быть исключительно контактным. Кнуты со свинцовыми грузилами, багры, шипы на ступицах колёс и топоры для рубки чужих вожжей — пожалуйста, никто слова не скажет. Но ничего, что летит дальше вытянутой руки.

— Чрезвычайно гуманно по отношению к зрителям первого ряда, — глубокомысленно кивнул Эмиль. — А магия?

— Категорически нет! — Годфри загнул третий палец с таким стуком, словно заколачивал гвоздь в крышку гроба. — Букмекеры... эти сукины дети скорее оставят без сапог самого магистра, чем позволят колдунам путать им расклады на гонках. Никаких сглазов, иллюзий, ледяных шипов или внезапного превращения чужих коней в тыквы. Только чистая физика, животная ярость и качественная древесина. Если поймают на колдовстве — дисквалификация. И под «дисквалификацией» здесь понимают повешение на ближайшем дереве за счёт организаторов.

Эмиль задумчиво покрутил кубок в руке. Опыт сотен жизней в очередной раз подсказывал ему, что какими бы разными ни были миры, бюрократия и азартные игры всегда найдут способ установить строгие законы даже для самого дикого мордобоя.

— Звучит справедливо, — согласился Эмиль. — Значит, наша прекрасная Заира собирается победить исключительно за счёт аэродинамики?

— За счёт скорости и манёвренности, Барнаби, — поправил его Годфри, и в этот момент над треком раздался протяжный, вибрирующий рёв огромного медного рога. — Ну всё. Помогите своим дорожным богам, Трополаз. Шоу начинается.

Рёв рога ещё вибрировал в воздухе, когда мир внизу взорвался первозданным хаосом. Пыль взметнулась густой стеной, скрывая солнце, а земля под помостом задрожала так ритмично, словно огромное каменное сердце Замка Опалённой Розы внезапно решило забиться. Двенадцать упряжек, сотрясая воздух яростным ржанием и грохотом окованных колёс, рванулись вперёд, как единый, безумный многоголовый монстр.

Эмиль, инстинктивно вцепившись в дубовые перила, наблюдал, как тяжёлые, бронированные колесницы фаворитов — Золотого Грифона и Чёрного Вепря — сразу же вырвались вперёд, мощными рывками прокладывая путь сквозь пыль и плоть конкурентов. Они шли ноздря в ноздю, их возницы уже начали обмениваться пробными ударами кнутов, проверяя на прочность чужие доспехи и нервы.

Но взгляд Эмиля был прикован вовсе не к битве за лидерство.

Лёгкая, изящная Заира, казалось, вообще не торопилась. Её пустынные скакуны, вместо того чтобы рвануть с места в карьер, начали разгоняться плавно, почти лениво, словно это была не смертельная гонка, а утренняя прогулка. В результате её моментально затёрли в общую массу.

И прямо сейчас на неё, как гора на мышь, надвигался тот самый огромный детина — гонщик от Лорда Провинции, управлявший громоздкой телегой на четырёх тяжеловозах. Почуввав лёгкую добычу, он с победным ревом начал прижимать хрупкую южанку к внутреннему, каменному бортику трека. Это был классический, грубый манёвр: раздавить соперника о стену ещё до того, как он наберёт скорость.

Прищурившись сквозь оседающую пыль, Эмиль разглядел лицо Заиры. Она была абсолютно спокойна. На её губах играла та самая хищная, зубастая улыбка, которую он заметил на старте. Она специально сбавила скорость. Она ждала.

Тяжёлая колесница детины подобралась уже на полкорпуса. Железные шипы на его ступицах алчно тянулись к хрупким спицам колеса южанки. Стена была неизбежна. Детина, уже предвкушая хруст ломающегося дерева, наклонился вбок, вкладывая весь вес своего массивного тела и инерцию тяжеловозов в финальный, сокрушительный удар. Смерть Заиры казалась делом секунд.

И в это самое мгновение, когда трагедия казалась неизбежной, южанка сделала нечто невероятное. В манёвре, который начисто отрицал все известные законы физики, инерции и здравого смысла, она внезапно, одним резким и точным движением, натянула поводья.

Её пустынные скакуны, обученные танцевать на раскалённом песке, каким-то чудом умудрились не упасть. Они сгруппировались, почти мгновенно сбавляя ход и резко принимая вправо, наружу трека. На долю секунды Эмилю показалось, что колесница южанки просто телепортировалась на пару шагов.

Детина не успел среагировать. Его тяжёлая, громоздкая колымага, ведомая колоссальной инерцией, продолжила нестись туда, где только что была Заира. Но там уже была только стена.

Удар был такой силы, что Эмилю показалось, будто само время на секунду остановилось, чтобы насладиться моментом сокрушительного торжества физики над глупостью. Звук был великолепен: хруст ломающегося дуба, скрежет рвущегося металла и оглушительный, изумлённый рёв детины, который, описав в воздухе нелепую дугу, рыбкой влетел в стог сена за ограждением.

Одна из его лошадей, вырвавшись из упряжи, в панике рванула в толпу, вызывая волну криков, а обломки его некогда грозной колесницы грудой хлама завалили внутренний радиус поворота, создавая идеальное препятствие для тех, кто шёл сзади.

Заира, изящно объехав место аварии по широкой, чистой дуге, лишь лениво махнула рукой в сторону стога сена, небрежно выплюнула жеваную травинку и, пришпорив скакунов, одним рывком вырвалась на чистое пространство, сразу же оказываясь на седьмой позиции.

Сэр Годфри в ложе застыл, как Святой Железный Дуб на параде. Его рот был широко открыт, а в глазах читалась смесь такого глубокого шока и детского восторга, что Эмиль едва удержался от смеха.

— Аэродинамика, сэр Годфри, — философски заметил Трополаз, делая очередной, чрезвычайно удовлетворённый глоток из кубка. — Или, как говорится, никогда не недооценивайте женщину, которой скучно.

Обломки телеги детины, живописно громоздящиеся на внутреннем радиусе, сработали как идеальная мышеловка. Буквально через секунду в них на полном ходу влетела колесница Ордена Плачущей Горгульи, чей возница слишком увлёкся попытками достать соседа кнутом и проглядел препятствие. Раздался треск, достойный падающего векового леса, и экипаж, щедро разбрасывая во все стороны спицы и ругательства, присоединился к образовавшейся свалке. Следующий за ним гонщик, попытавшийся резко вывернуть в сторону, не справился с управлением, перевернулся и пробороздил лицом добрых десять шагов утрамбованной грязи.

— Минус три экипажа на первом же круге, — с профессиональным удовлетворением констатировал Годфри, задумчиво покачивая кубок. — Букмекерам сегодня придётся нанимать дополнительную охрану, чтобы унести выручку.

Последующие круги слились для Эмиля в единую, пыльную, грохочущую карусель.

Для Заиры же гонка внезапно превратилась в рутину. Пока остальные участники упорно хлестали друг друга свинцовыми кнутами, брали на таран и пытались зацепить чужие оси баграми, южанка просто... ехала. Она скользила между авариями с грацией кошки, брезгливо переступающей через битое стекло на кухне. Никаких безумных манёвров или рискованных подрезов — только идеальный расчёт траекторий и феноменальное чувство ритма своих скакунов.

А вот остальным везло меньше. К четвёртому кругу трасса начала напоминать поле боя после прохода скучающей тяжёлой кавалерии. Кто-то лишился упряжи, кто-то с треском вылетел за дубовое ограждение, а один особо рьяный возница из наёмников так увлёкся, размахивая топориком, что срубил собственную левую оглоблю и теперь уныло брёл к шатрам лекарей, таща за собой кусок поводьев.

Когда над ареной разнёсся гулкий удар огромного бронзового гонга, возвещающий о начале шестого, предпоследнего круга, рёв толпы достиг апогея. Пыль немного улеглась, и Эмиль смог ясно оценить диспозицию.

Из двенадцати стартовавших на треке осталось всего пятеро. Причём замыкающий гонщик безнадежно отстал, пытаясь удержать на ходу повозку с квадратным от вмятин колесом.

Вся борьба развернулась в голове заезда. Впереди, оставляя за собой глубокие борозды, тяжело неслись два абсолютных фаворита — бронированные монстры Золотого Грифона и Чёрного Вепря. Они шли вровень, ожесточённо тесня друг друга к бортам, высекая снопы искр и обмениваясь тяжёлыми ударами.

А прямо за ними, на чистой третьей позиции, словно привязанная невидимой нитью, летела Заира. Она больше не жевала травинку. Она подобралась, чуть подалась вперёд, и в её позе читалась абсолютная, хищная готовность к финальному броску. Дистанция между лёгкой южной колесницей и двумя бронированными гигантами неумолимо сокращалась.

Шестой круг пролетел в напряжённом ожидании. Грифон и Вепрь скрежетали металлом, не уступая друг другу ни дюйма. И вот над ареной разнёсся оглушительный, вибрирующий рёв рога — седьмой, финальный круг!

Возницы тяжеловесов настолько увлеклись взаимным уничтожением, что совершили главную ошибку любого турнира — напрочь забыли о том, что происходит у них за спиной.

Они подошли к тому самому первому, «кровавому» повороту, намертво сцепившись осями и оттесняя друг друга к внутреннему бортику, где всё ещё валялись щепки от первых аварий. Чтобы вписаться в этот узкий радиус и не убиться об стену, им пришлось резко, с лязгом и ругательствами, сбросить скорость.

Именно этого Заира и ждала.

Вместо того чтобы лезть в эту тесную бронированную мясорубку на внутреннем радиусе, южанка направила свою лёгкую колесницу по самой широкой, внешней дуге. Там, где трек был абсолютно свободен от обломков и чужого эго.

Она даже не использовала кнут. Заира просто издала гортанный, пронзительный свист, и её золотисто-гнедые скакуны, словно только и ждали этого сигнала, резко прибавили. Лёгкая повозка буквально взлетела над утрамбованной грязью. Заира пронеслась по внешней дуге мимо барахтающихся гигантов с такой невероятной скоростью, что ветер от её колесницы едва не сорвал шлемы с удивлённых возниц.

Когда Грифон и Вепрь наконец расцепились и вывернули на прямую, изящная спина южанки уже маячила далеко впереди. Они яростно захлестали своих тяжеловозов, пытаясь нагнать наглую девчонку, но законы физики были неумолимы. Тонкая южная древесина и пустынная порода скакунов с каждой секундой лишь увеличивали разрыв.

Заира отрывалась всё дальше и дальше. К последнему повороту она уже могла бы позволить себе остановиться и выпить чашечку кофе, если бы на трек подавали кофе. Заира пересекла финишную черту в полном одиночестве. Не торжествующе. Не победно. Просто так, будто именно это и должно было случиться с самого начала, а остальные шесть кругов были нужны лишь для того, чтобы это поняли все остальные. Лишь оказавшись за финишной линией, она плавно натянула поводья, привычным жестом достала откуда-то новую травинку и сунула её в зубы.

В шатре повисла звенящая тишина, прерываемая лишь стуком падающих на пол букмекерских весов.

Сэр Годфри медленно поставил кубок на перила. Его лицо побагровело, необъятная грудная клетка раздулась, и он издал такой громоподобный рык восторга, что с крыши шатра осыпалась многолетняя пыль.

— Ржавый свет! — паладин обхватил Эмиля обеими руками, едва не сломав Трополазу рёбра в медвежьем объятии. — Ты видел это, Барнаби?! Скорость и манёвренность! Я же говорил! Наш казначей сегодня будет целовать песок, по которому ходят эти лошади!

Эмиль, аккуратно высвободившись из железной хватки и героически спасая остатки вина на дне кубка, позволил себе искреннюю улыбку. Гонка определённо стоила потраченного времени. Сделав последний глоток, Трополаз с искренним сожалением водрузил на дубовые перила опустевший серебряный кубок.

— Сэр Годфри, боюсь, мне пора спасаться бегством, — Трополаз вежливо отступил на шаг, чтобы избежать очередной вспышки тактильной радости паладина. — Если я хоть немного понимаю в причинно-следственных связях, то ваш шатёр вот-вот осадит армия тех, кто хочет выпить за счёт победителей, и тех, кто хочет этих победителей придушить.

Годфри оглушительно расхохотался, ничуть не испугавшись такой перспективы.

— Пусть только попробуют! У нас тут достаточно тяжёлых кубков, чтобы отбиться! — паладин махнул рукой. — Иди, Барнаби! Но вечером, когда эти разряженные павлины выедут на главную арену и начнут тыкать друг в друга тупыми деревяшками на потеху толпе, ты должен быть на западной трибуне. Мне понадобится человек, умеющий травить толковые байки, опустошая бутылки сичилского вина.

— Постараюсь не разочаровать вас ни в том, ни в другом, — Эмиль коротко отсалютовал рыцарю и, развернувшись, двинулся к выходу из шатра.

Глава 3

Покинув импровизированный ипподром, он с головой нырнул в кипящее море ярмарки. Она жила своей привычной, суетливой жизнью, ничуть не изменившейся после окончания Больших Гонок. Эмиль неспешно брёл сквозь пёструю толпу, лавируя между жонглёрами, глодателями огня и подозрительными личностями, которые предлагали купить «счастливые подковы с колесницы Заиры». Новость о невероятной победе лёгкой южанки уже разлетелась по рядам, словно лесной пожар. Местные менестрели на ходу сочиняли баллады, мучительно пытаясь срифмовать слово «аэродинамика».

Постепенно Эмиль выбрался из эпицентра этого праздника жизни и направился к темнеющей громаде Замка Опалённой Розы.

Замок впечатлял. Это была не просто крепость, а настоящий каменный левиафан, оштетнившийся острыми шпилями контрфорсов и слепыми бойницами башен. Нижние ярусы густо обросли мхом, а верхние чернели застарелой копотью — всё выглядело так, словно замок успешно пережил нашествие драконов, осаду демонов или, что куда страшнее, визит королевской налоговой инспекции.

Северная часть замка лежала в живописных руинах. Эмиль перебрался через осыпавшуюся крепостную стену и оказался в лабиринте старых, обрушенных перекрытий и заросших плющом внутренних дворов.

Это было царство тишины, плюща и вездесущей пыли. Природа брала своё: сквозь трещины в каменных плитах пробивались упрямые кривые деревья, а в нишах, где когда-то стояли статуи суровых королей, теперь деловито вили гнёзда местные птицы, подозрительно похожие на небольших пернатых ящериц.

Эмиль нашёл относительно чистый кусок рухнувшей колонны, сел, вытянув гудящие ноги, и со вздохом достал из кармана походную трубку, неспешно набил её табаком и высек искру. Быть Прыгуном — значит уметь ценить вот такие редкие минуты тишины между одной катастрофой и другой.

Выпустив в прохладный воздух сизое кольцо дыма, Эмиль прикрыл глаза. Самое время было подумать о том, стоит ли оставаться в этом мире и отправляться в опасную экспедицию к Хрустальным Хребтам Азурита.

Философские размышления Трополаза прервал звук, совершенно неуместный в этих древних, заросших мхом руинах. Кто-то с ледяной невозмутимостью точил металл о камень.

Эмиль приоткрыл один глаз, выпустил струйку сизого дыма и, бесшумно ступая по раскрошенным плитам, двинулся на звук.

В соседнем, густо заросшем плющом дворике, расположившись на спине поваленной мраморной химеры, сидела Заира. Победительница скинула тяжёлый гоночный плащ и теперь, оставшись в лёгкой льняной рубаше и пустынных шароварах, увлечённо счищала засохшую грязь с замысловатого кожаного ремня от конской упряжи. Орудовала она при этом коротким, хищно изогнутым кинжалом.

— Обычно в это время триумфаторов качают на руках, заливают дешёвым элем и клянутся им в вечной преданности вплоть до первого поворота, — негромко заметил Эмиль, выходя из тени и прислоняясь к заросшей плющом колонне.

Заира даже не вздрогнула. Она невозмутимо сдула невидимую пылинку с лезвия, вогнула кинжал в ножны на бедре и, взяв бутылку, лежащую всё это время рядом с ней, сделала неторопливый глоток прямо из горла.

— Восторженная толпа воняет кислым пивом и имеет скверную привычку срезать кошельки под шумок, — хмыкнула южанка, утирая губы тыльной стороной ладони. — А пред-

ложения руки и сердца в таких местах обычно сводятся либо к желанию наложить лапу на мой выигрыш, либо к желанию сделать меня своей пятой наложницей. К счастью или к несчастью, ни один из этих вариантов меня не устраивает. Кстати, я только что стащила из шатра распорядителя турнира коллекционное сичилское. Будешь?

Она небрежно протянула ему пузатую бутылку и слегка прищурилась.

— А вообще, ты кто такой? Заблудился? Или решил ограбить победительницу в тёмном углу? Предупреждаю сразу: детина из лордской конюшни сегодня уже пытался прижать меня к стенке. Ему очень не понравилось.

— Меня зовут Барнаби, и я пришёл исключительно за тишиной, — Эмиль подошёл ближе, принял вино и, сделав вежливый глоток, протянул бутылку обратно. — А ещё я имел удовольствие наблюдать за гонкой из шатра ваших нанимателей. Мой спутник, паладин, до сих пор уверен, что ты продала душу демонам аэродинамики.

— Аэро-чего? — Заира искренне рассмеялась, блеснув белыми зубами. — Не знаю таких демонов. Дарю секрет бесплатно, Барнаби. Просто эти бронированные болваны перед стартом кормят своих тяжеловозов овсом до отвала, чтобы те были тяжелее и злее. А мои пустынники бегут налегке. Гонка — это не драка в трактире, это танец с ветром. Лошади, в отличие от местных рыцарей, вообще-то хотят жить. Если не дёргать им головы на каждом повороте, они сами найдут лучшую траекторию.

Она забрала у Эмиля бутылку, и её взгляд внезапно стал очень цепким и холодным. Она профессионально скользнула глазами по его потёртой куртке, походным сапогам, набитой табачком трубке и медному стеземетру на поясе.

— Значит, Барнаби... — протянула она с лёгкой усмешкой. — Шаги у тебя лёгкие, как у вора, куртка пахнет табаком, который на этом континенте отродясь не рос, а прибор на поясе стоит больше, чем весь мой выигрыш. Так кто же ты?

— Я Барнаби. Старший Трополаз из Гильдии Трополозов, — спокойно ответил Эмиль.

Заира недоверчиво хмыкнула, ещё раз окинув его взглядом с ног до головы. Уважения в её глазах явно прибавилось, но дерзкая искра никуда не исчезла.

— Старший Трополаз? — она медленно кивнула, отставляя вино в сторону. — Звучит как должность, предполагающая раннюю и очень экзотическую смерть. Разве люди твоей профессии не должны прямо сейчас радостно месить грязь в каких-нибудь неизученных болотах, отмораживать уши на безымянных ледниках или убегать от плотоядных деревьев, расширяя границы для какого-нибудь короля?

Эмиль невозмутимо затянулся и выпустил струйку дыма в сторону пробивающегося сквозь камни плюща.

— Плотоядные деревья нынче не в сезоне, — меланхолично отозвался он. — На самом деле, я здесь по официальному приглашению. Местный владыка, лорд де Понс, возжелал проложить новую, безопасную тропу через Хрустальные Хребты.

— Хрустальные Хребты? — южанка покачала головой. — Даже у нас, на самом знойном юге, торговцы суеверно плюют через плечо, когда слышат про эти проклятые горы. Это не контракт на поиск тропы, Барнаби. Это очень хитро оформленный способ самоубийства.

— В моих бумагах это сформулировано чуть более витиевато, но суть ты уловила абсолютно верно, — покладисто согласился Эмиль. — Именно поэтому, прибыв в провинцию и узнав, что здесь как раз стартует ежегодный турнир паладинов, я счёл своим первейшим, можно сказать, священным долгом сначала посетить это благородное собрание.

Заира непонимающе нахмурилась, скрестив руки на груди.

— Долгом? Смотреть, как закованные в железо мужики с разгону сшибают друг друга с лошадей деревянными палками? Учишься падать так, чтобы не сломать шею?

— Скорее, калибрую восприятие реальности, — Эмиль аккуратно выбил пепел из трубки о край колонны. — Видишь ли, в Хрустальных Хребтах природа будет пытаться убить

меня искренне, безлико и абсолютно бесплатно. Перед тем как отправиться туда, мне жизненно необходимо посмотреть на цивилизованных людей, которые тратят целые состояния на доспехи, чтобы добровольно калечить друг друга по строгому расписанию и под музыку менестрелей.

Он спрятал трубку в карман и слабо улыбнулся.

— Поверь, после такого зрелища даже плотоядная гора начинает казаться образцом здравого смысла и логики. К тому же, мой друг сэр Годфри обещал мне лучшие места на западной трибуне. У нас наверняка найдётся свободное место и пара бутылок сичилского. Не составишь нам компанию?

— Я согласна, Барнаби. — Заира смерила его долгим, оценивающим взглядом, и на её губах медленно расцвела та самая хищная, но на этот раз вполне искренняя улыбка, которую Эмиль уже видел во время гонки. — У нас на юге считается очень дурной приметой отказывать покойникам в их предсмертном желании.

— Договорились. Буду считать это своим последним утешением перед встречей с вечностью, — усмехнулся Эмиль, приподняв в знак прощания невидимую шляпу.

Прощавшись с Заирой, Эмиль покинул заросшие руины северного крыла. Он решил не возвращаться сразу в кипящий котёл ярмарки, а свернул на едва приметную тропинку, ведущую в прохладный, пахнущий хвоей и прелыми листьями лес, раскинувшийся поблизости от Замка Опалённой Розы. Ему нужно было немного проветрить голову и разложить мысли по полочкам.

Неспешно шагая по мягкому мху, Прыгун с удивлением поймал себя на мысли, что этот мир с каждым часом нравится ему всё больше и больше. Да, местные законы физики работали по настроению, а паладины были прямолинейны, как летящий в лоб кирпич, но во всём этом крылась какая-то первобытная, искренняя честность.

И Заира... Эмиль усмехнулся, вспомнив её насмешливый взгляд, хищную улыбку и спокойную уверенность. Эта южанка с украденным вином и прагматичной философией умудрилась пробить небольшую трещину в его панцире.

Погружённый в размышления Эмиль бродил по лесу уже пару часов. Мысли его были возвышенны и необъятны: он думал о бренности всего сущего, о том, как странно быть человеком, который однажды уже умер и по какой-то нелепой случайности продолжает существовать, о красоте, которая ничего не требует взамен, и о том, что где-то там, за деревьями и мирами, осталось что-то, чему он так и не придумал названия.

Лес к этим размышлениям остался равнодушен. Равнодушие леса выразилось вполне недвусмысленно: корнями, о которые Эмиль то и дело спотыкался, и комаром, без малейшего почтения к высоким материям укусившим его за шею. К исходу второго часа он пришёл к двум выводам. Первый: человек — лишь краткая вспышка сознания в равнодушной бесконечности бытия. Второй, куда более настойчивый: он, кажется, натёр ногу.

Солнце уже начало клониться к горизонту, когда Эмиль наконец покинул спасительную прохладу леса. Закатные лучи щедро заливали ярмарку густым, тягучим золотом, а шпили Замка Опалённой Розы отбрасывали на луг длинные зубчатые тени. Шум людского моря, весь день напоминавший гул растревоженного улья, теперь сменился плотным, почти осязаемым предвкушением крови и зрелищ. Турнир вот-вот должен был начаться.

Вливаться обратно в этот бурлящий котёл из разгорячённых тел, крикливых торговцев и пьяных зевак Эмилю совершенно не хотелось. Опираясь на опыт странствий по тысячам миров, он предпочёл тактический манёвр. Вместо того чтобы пробиваться к трибунам напролом, он заложил широкую дугу по периметру поляны. Огибая цветастые шатры с фланга и стараясь держаться в тени, он неспешно направился к исполинской деревянной громаде ристалища.

Эмиль обнаружил сэра Годфри у самого подножия западных трибун. Паладин, сменивший помятые в утренних объятиях доспехи на роскошный вечерний камзол, возвышался над людским потоком и теперь напоминал добродушную, но очень громкую гору. Вокруг него суетилась целая стайка слуг, пыхтящих под тяжестью корзин и пузатых бочонков.

— Осторожнее с элем, ради всех святых! Это же не святая вода, тут бережное обращение нужно! — громыхал Годфри.

— Сэр Годфри, — Эмиль вежливо кашлянул, уворачиваясь от пролетающего мимо пажа с охапкой турнирных флажков. — Вижу, вы готовитесь к многомесячной осаде?

— А, Барнаби! Друг мой! — рыцарь просиял и развернулся, едва не сбив Трополоза дружеским хлопком по плечу. — Смотреть, как достойные мужи вышибают друг из друга дух на пустой желудок и с пустым кубком — это форменное неуважение к традициям! Ты готов приобщиться к прекрасному?

— Вполне. Но прежде чем мы поднимемся, я должен сделать признание, — Эмиль слегка поправил воротник. — Я взял на себя смелость пригласить к нам ещё одного зрителя. Зрителя, которого, я уверен, вы будете рады видеть. Надеюсь, вы не сочтёте это нарушением турнирного этикета?

— Нарушением? Ха! — Годфри расхохотался так раскатисто, что один из слуг едва не выронил бочонок. — Да о чём ты говоришь, друг мой! Кто бы ни был твой гость — он мой гость! Я угощу его лучшим элем, который только можно добыть в Саксоне!

Паладин поднял руку с массивным перстнем и указал на ярус западной трибуны, щедро задрапированный синим бархатом.

— Видишь ту ложу прямо под гербом организаторов? Это ложа нашего ордена! Идеальная точка обзора. Я пойду вперёд, а ты забирай своего гостя и приходите к нам. Сегодня я отвечаю за организацию, так что нужно лично проследить, чтобы эти бездельники правильно расставили закуски и не выпили мой личный запас эля до первого выезда. Жду вас наверху!

Сэр Годфри величественно развернулся и, словно адмирал во главе флотилии, повёл свою нагруженную провизией процессию вверх по скрипящим ступеням.

Стоя у подножия трибун, Эмиль вдруг осознал, что задерживает дыхание каждый раз, когда в толпе мелькает тёмная копна волос. Когда до него дошёл смысл происходящего, он едва не поперхнулся от абсурдности ситуации. «Просто великолепно, — саркастично констатировал он про себя. — Мандраж перед первым свиданием. Давненько у меня не было такого симптома».

Трополоз потёр переносицу, пряча самоироничную улыбку. Какой восхитительный сбой системы. Это грубо нарушало все его внутренние протоколы безопасности.

Эмиль так отвлёкся на свои внутренние протоколы, что совершил непростительную для Прыгуна ошибку: он потерял контроль над периметром. Для человека, который умел спиной чувствовать степень готовности стейка, это был колоссальный, сокрушительный провал.

— Надеюсь, ты так напряжённо высматриваешь не меня, Старший Трополоз? — раздался вдруг совсем рядом знакомый голос с лёгким южным акцентом.

Эмиль мысленно дал себе подзатыльник, но внешне даже не вздрогнул. Он медленно повернул голову. Заира стояла буквально в шаге от него, невозмутимо прислонившись плечом к деревянному столбу. Она успела переодеться в свежую льняную рубашу, но волосы всё так же дерзко разметались по плечам, а в руке она сжимала пузатую бутылку сичилского. На её губах играла та самая хищная, победная улыбка.

Трополоз небрежно скрестил руки на груди, всем своим видом демонстрируя монументальное спокойствие.

— Вообще-то, я стоял здесь в ожидании полного лунного затмения, — философски заметил Эмиль, выдержав безупречную театральную паузу. — Но раз уж небесная механика сегодня запаздывает, полагаю, я готов довольствоваться твоим появлением.

Заира тихо рассмеялась, явно оценив изящество, с которым он выкрутился.

— Какая невероятная честь для скромной погонщицы с юга, — хмыкнула она, отлепляясь от столба. — Постараюсь затмить для тебя луну, Барнаби. Ну и где этот твой знаменитый сэр Годфри с его обещанными лучшими местами?

Эмиль галантно отступил на шаг, освобождая проход, и широким жестом указал на уходящие вверх деревянные ступени.

— Его необъятность сэр Годфри прямо сейчас окапывается в центральной ложе под синими знамёнами, готовясь держать глухую оборону от трезвых зрителей. Прошу наверх.

Путь до верхней ложи сквозь плотные ряды местной знати напоминал прогулку по минному полю, где вместо мин были ущемлённые аристократические эго. Господа в тяжёлом бархате провожали Заиру жадными взорами, а их благочестивые супруги, задыхающиеся в тугих корсетах, буравили её спину взглядами, полными ядовитого сословного презрения к её простой льняной рубашке. Девушку, впрочем, этот немой светский террор совершенно не волновал. Она поднималась наверх с ленивой грацией сытой хищницы, поигрывая бутылкой сичилского, словно дирижёрской палочкой.

Откинув тяжёлый синий полог, они шагнули в ложу. Сэр Годфри встретил их во всеоружии: в правой руке паладин держал здоровенную кружку эля, а в левой — увесистый кусок жареного мяса. Заметив спутницу Эмиля, рыцарь на секунду замер, а затем его лицо расплылось в искренней, радостной ухмылке.

— Ржавый Свет! Ах ты, алчная южанка! — громогласно возмутился паладин, потрясая зажатым в кулаке окороком. — Мало того, что ты подчистую опустошила казну нашего ордена, так ты теперь пришла опустошать ещё и мои личные запасы эля?!

— Хватит ворчать, сварливый старик, — ничуть не испугавшись этого бронированного гнева, отмахнулась Заира. Она по-хозяйски плюхнулась на соседнюю бархатную подушку и со стуком поставила трофейную бутылку на стол. — Давай лучше отпразднуем нашу победу.

Эмиль, как человек прагматичный, конечно, не исключал вероятности, что паладин и нанятая его орденом гонщица могли мельком пересекаться. Но он никак не ожидал, что они знакомы настолько хорошо. Прыгун искренне рассчитывал устроить грандиозный сюрприз, торжественно представив сэру Годфри неуловимую чемпионку, а в итоге эти двое общались так, будто ещё вчера вместе грабили караван.

Эмиль молча подошёл к столу. Он проигнорировал коллекционное вино, взял в руки самый большой деревянный кубок, до краёв наполненный тёмным элем, и без единого слова осушил его залпом, чтобы хоть как-то затушить пожар собственного разочарования.

А тем временем к Заире уже стягивались другие паладины ордена. Суровые, покрытые шрамами мужики радостно салютовали ей кубками, одобрительно хлопали по плечам и наперебой поздравляли с блестящим заездом. Южанка со смехом отбивалась от поздравлений, отвечая на шутки и явно чувствуя себя в этой компании как в родном шатре.

Годфри оглушительно расхохотался, глядя на вытянутое лицо Прыгуна.

— Что, Барнаби, сюрприз? — паладин в восторге хлопнул себя по колену. — У тебя сейчас такой вид, будто ты привёл знакомить дракона с принцессой, а они оказались старыми собутыльниками! Это же я лично нашёл эту песчаную бурю на знойном юге! Увидел, как она управляет колесницей, и едва ли не силой притащил к нашему Магистру, клянясь своей честью и всеми святыми угодниками, что эта девчонка принесёт ордену кубок! И не прогадал ведь! Как результат, сегодня она тут не просто почётная гостья, а виновница торжества!

Заира лишь невозмутимо пожала плечами, откупоривая сичилское.

Эмиль аккуратно поставил пустой кубок на стол, вытер пену с губ и, сменив маску растерянности на свою фирменную лёгкую улыбку, философски заметил:

— Что ж, по крайней мере, в одном я точно не ошибся. Вы действительно рады видеть мою гостью.

Годфри оценил шутку. Он запрокинул голову и расхохотался так мощно, что синий бархат навеса над их ложей задрожал.

— Пусть ты не смог удивить меня своим гостем, зато ты удивил меня своим вкусом на опасные знакомства, — отсмеявшись, рыцарь откусил половину жареного окорока и указал на Заиру обглоданной костью. — Но ты бы видел её там, на юге! Это был не просто заезд, это был оживший эпос! Представь себе: Великие пески Аль-Тахира. Солнце палит так, что плавится бронза. Арена гудит, как кратер вулкана перед извержением...

— Был на редкость паршивый, промозглый четверг, — меланхолично вставила Заира, разливая трофейное сичилское по серебряным кубкам, которые услужливо подставили ей суетящиеся слуги. — А гудела не арена, а местные пьяницы, которым не хватило эля.

— Не порть поэзию момента, женщина! — отмахнулся Годфри, запивая мясо изрядным глотком. — Так вот! Выходит она на трек. Её колесница запряжена четвёркой демонических жеребцов, чьи копыта высекали искры из песка! Настоящие исчадия бездны, дышащие пламенем!

Эмиль с вежливым интересом приподнял бровь и принял из рук Заиры кубок с вином.

— Три астматичных мерина и одна кобыла с отвратительным характером, — поправила южанка, грациозно усаживаясь на подушки с ногами. — Они дышали не пламенем, а перегаром конюха, который забыл их почистить.

— Детали! Сущие мелочи! — пророкотал паладин, воодушевляясь всё больше. — Главное — что было на последнем круге! На самом крутом вираже соперник-подлец подрезает её! Колесо налетает на камень и разлетается в щепки! Обычный возница взмолился бы богам и приготовился к смерти. Но что делает эта песчаная фурия?! Она балансирует на одном колесе силой чистой, неукротимой воли, закладывая смертельный поворот!

— Я просто повисла на левом борту, намертво зацепившись ногами за поручень, — невозмутимо пояснила Заира, отпивая вино. — Сместила центр тяжести, чтобы колесница не перевернулась. А свободной рукой метнула обломок прямо в голову того ублюдка, что меня подрезал. Никакой божественной воли. Сплошная механика и немного грязной игры.

Эмиль уважительно покрутил кубок в руке.

— Радикальное смещение центра масс в сочетании с тактическим устранением конкурента, — со знанием дела кивнул Прыгун, сохраняя идеально невозмутимое лицо. — В своих странствиях я не раз убеждался, что законы физики работают гораздо безотказнее божественной воли. Особенно если подкрепить их тяжёлым тупым предметом, метко брошенным в голову оппоненту.

Заира тихо рассмеялась, салютуя ему кубком в знак профессиональной солидарности.

— Вот-вот! — не заметив иронии, громыхал Годфри. — И когда она пересекла финишную черту первой, балансируя на одном колесе в облаке золотой пыли, я понял — это судьба! Я спустился на песок арены, растолкал толпу и, как подобает рыцарю, предложил ей победы, славу и много золота!

— Если переводить с героического на человеческий, — Заира изящно зевнула, — этот громогласный медведь в латах, ошалевший от того, что выиграл целое состояние на моих ставках, швырнул мне в лицо тугой кошель золота. И заорал на всю арену: «Собирай манатки, девка, ты едешь на север, будешь участвовать в больших скачках!».

— И ведь сработало! — самодовольно подытожил Годфри, хлопнув Эмиля по плечу с такой силой, что Трополаз чудом не выронил вино. — Так что выпьем за...

Что именно предлагал выпить сэр Годфри, Эмиль так и не услышал. Над ареной протяжно и торжественно затрубили трубы, их звонкий медный глас мгновенно перекрыл даже громовой голос паладина. Трибуны взорвались предвкушающим рёвом — на залитое вечерним солнцем ристалище начали медленно выезжать первые закованные в сталь паладины, которым выпала честь открывать турнир.

Первым, гордо гарцуя на могучем дестриэ, появился местный чемпион — один из офицеров личной охраны лорда де Понса. Едва копыта его коня коснулись песка, трибуны буквально сошли с ума. Местная публика неистово приветствовала своего любимца — сэра Ричарда: тысячи глоток слились в оглушительном, ритмичном скандировании «Ри-чард! Ри-чард!», в воздух полетели сотни шляп и женских шёлковых платков, а от топота ног деревянные настилы заходили ходуном.

Навстречу этому сверкающему идолу выехал мрачный гигант из ордена Святого Сесара Чёрного: его потускневшие, наглухо лишённые всяких украшений доспехи покрывала густая сеть глубоких царапин, красноречиво говорящих о богатом боевом опыте. На его появление трибуны отреагировали лишь жидким, настороженным гулом.

Следом на арену ступила вторая пара. Паладин из ордена Спящего Золотого Дракона, чей нагрудник украшала тонкая чеканка в виде свернувшегося кольцом мифического ящера, вывел своего белоснежного коня напротив бойца, выступающего под красно-чёрными знамёнами знаменитого на всё королевство полка наёмников «Псы Полудня». Наёмник восседал на грузном, косматом боевом коне, а его угловатая, собранная из кусков разной брони кираса была покрыта бурыми пятнами застарелой крови и глубокими вмятинами от тяжёлого оружия.

Лязг тяжёлого металла, тревожное фыркание боевых коней и шелест шёлковых гербовых накидок слились воедино под восторженный гул толпы.

Распорядитель турнира взмахнул расшитым золотом платком. Поскольку золотой нити на вышивку не пожалели, платок рухнул на песок с изяществом кирпича. Не успел он приземлиться, как над ареной хищно рявкнули медные рога.

Турнир официально начался.

Глава 4

Было уже далеко за полночь, когда Эмиль добрался до трактира. Зал на первом этаже пустовал, хозяина нигде не было, и лишь одинокая толстая свеча догорала на стойке, бросая длинные уютные тени на дубовые столы.

День выдался на редкость насыщенным. Он не только вдоволь насмотрелся на турнир паладинов, но и стал свидетелем гонок, которые, к его собственному удивлению, оказались куда интереснее самого турнира. Видимо, колесница, летящая боком на одном колесе, обладала несколько более убедительной драматургией, чем два человека в доспехах, спорящих о чести при помощи тупых копий.

А главным приятным дополнением стало знакомство с Заирой. Хотя слово «приятным» Эмиль пока использовал осторожно. Опыт подсказывал, что знакомства с женщинами, которые умеют управлять колесницей на высоких скоростях и при этом выглядят скучающими, обычно становятся приятными лишь задним числом — если человек доживает до этого самого заднего числа.

Правда, один заготовленный козырь Эмилю так и не удалось разыграть. Он собирался пригласить Годфри и Заиру на завтрашний пир у лорда де Понса, рассчитывая хотя бы раз произвести впечатление человека с полезными связями.

Выяснилось, однако, что оба уже получили приглашения — и не просто как обычные гости, а в качестве почётных. Эмиль решил считать это не поражением, а неудачно выбранной аудиторией для демонстрации собственного влияния.

Поднявшись по знакомой скрипучей лестнице, Прыгун толкнул дверь своей комнаты. Внутри было тихо, тёмно и прохладно. Стянув сапоги и кое-как сбросив тяжёлый камзол прямо на стул, Эмиль не стал утруждать себя долгими сборами ко сну. Он просто рухнул на широкую мягкую кровать, и сон без сновидений накрыл его с головой ещё до того, как он успел окончательно зарыться в перину.

Пробуждение вышло на редкость приятным. Когда Эмиль наконец разлепил глаза, солнце уже уверенно хозяйничало в комнате. Он потянулся так, что хрустнули позвонки, и с удовлетворением отметил, что отлично выспался.

Спустившись в обеденный зал, он с удовольствием умял порцию горячего мясного пирога, перекинулся парой дежурных шуток с проворной подавальщицей Тильдой и вышел на улицу. Душа требовала небольшой разминки перед вечерним светским раутом.

Город жил своей шумной, пёстрой жизнью. Турнир притянул сюда людей со всех окрестных земель. Эмиль неспешно прогуливался, с интересом впитывая местный колорит: вдыхал запахи свежееиспечённого хлеба и жареных каштанов, разглядывал лотки, заваленные яркими южными шёлками, грубоватой северной керамикой и амулетами от местных производителей.

Побродив с час, Прыгун вышел на тихую окраину, где городские постройки плавно уступали место зелёным просторам. Здесь, на небольшом возвышении, приютился крошечный, почти домашний трактирчик. Прямо на улице под дощатым навесом стояли грубо сколоченные дубовые скамьи, с которых открывался потрясающий вид на залитую солнцем долину и маячащие вдалеке Хрустальные Хребты, чьи вершины кутались в сизую дымку.

Место было идеальным.

Эмиль заказал у пухлого добродушного хозяина большую глиняную кружку холодного тёмного эля и с наслаждением вытянул ноги, усевшись на скамью. Пришло время для серьёзной работы.

Общение с местной элитой таило в себе массу сюрпризов. Случайно перепутать вилку для устриц с вилкой для кровной мести здесь ничего не стоило, а оскорбить аристократа с хорошими связями было куда опаснее, чем станцевать чечётку в пещере спящего дракона.

Кроме того, следовало срочно провести инвентаризацию собственных профессиональных навыков. Если за столом зайдёт речь о деталях экспедиции, Эмиль предпочёл бы звучать как суровый ветеран-первооткрыватель.

Сделав первый, восхитительно горький глоток эля, Эмиль прикрыл глаза, откинулся на тёплую деревянную спинку и сосредоточился, аккуратно погружаясь в память Барнаби, словно открывая ящики добротного, хорошо организованного бюро.

Первым делом Прыгун с лёгким холодком осознал одну поразительную вещь об этом мире. До сих пор слова из памяти Барнаби об «исчезающих тропах» Эмиль воспринимал скорее как цветастое профессиональное выражение. Но теперь, погрузившись в чужой опыт глубже, понял: тропы исчезали буквально. Эта реальность оказалась невероятно странной и пластичной — с подобным устройством мироздания Эмиль за все свои прыжки по Мульти-вселенной ещё не сталкивался. Местное пространство иногда меняло собственную структуру и наполнение, словно живой, дышащий и порой страдающий топографическим кретинизмом организм.

Без постоянного присутствия людей, без их шагов, костров, вбитых кольев, отметок на камне и повторяемых маршрутов география словно забывала о том, что в этом месте вообще должен быть проход.

Именно поэтому профессия Трополаза в этом мире была не просто востребованной, а жизненно необходимой. Трополазы, как выяснил Эмиль из воспоминаний, были чем-то средним между геодезистами, узкоспециализированными магами и безумцами.

Сам Барнаби предстал в своих воспоминаниях личностью весьма далёкой от образа академического сухаря. Он обожал хорошую компанию, крепкий эль и с широкой улыбкой шагал навстречу риску. Однако за фасадом неунывающего гуляки и авантюриста скрывался профессионал с железной хваткой. Он мог прокутить аванс в первой же таверне, но свои контракты всегда выполнял безукоризненно и точно в срок. Он по праву числился одним из лучших, если не самым лучшим специалистом в Гильдии.

Эмиль мысленно усмехнулся, возвращаясь в реальность, делая большой глоток прохладного эля и глядя на далёкие заснеженные пики. Неудивительно, что они с сэром Годфри так быстро спелись.

Барнаби был именно тем мастером, которого лорд де Понс мечтал заполучить для Хрустальных Хребтов. И Эмиль собирался использовать этот арсенал навыков на полную катушку.

Допив эль и окончательно разложив по полочкам новообретённые знания, Эмиль бросил на стол пару медных монет и неспешным шагом направился обратно.

Вернувшись, Прыгун первым делом придирчиво осмотрел свой походный камзол. Вывод был неутешительным: в лучшем случае его приняли бы за конюха, решившегося на отчаянный карьерный скачок.

Эмиль опустил на колени перед массивным дорожным сундуком Барнаби и принялся перебирать его содержимое. Покопавшись как следует, он наконец добрался до самого дна, где в отдельном отделении обнаружил плотный холщовый свёрток.

Внутри лежал роскошный камзол цвета полуночного неба, деликатно расшитый серебряной нитью. К нему прилагались тёмные брюки и белоснежная рубашка, накрахмаленная так сурово, что о её воротничок при желании можно было перерезать горло.

Сбросив походную одежду, Эмиль вошёл в этот шедевр портняжного искусства и набросил на плечи лёгкий плащ. Из треснувшего зеркала на стене на него взглянул совершенно другой человек. Удовлетворённо кивнув своему отражению, Эмиль проверил, на месте ли увесистый кошель с монетами, поправил воротник камзола и вышел из комнаты.

К кованым воротам замка лорда де Понса он подошёл ровно в назначенное время. У входа творилось нечто невообразимое: образовалась пробка из гербовых карет, породистых лошадей и суетящихся слуг с факелами.

Пройдя строгий контроль у двух гвардейцев, которые при виде роскошного камзола Эмиля и уверенной осанки Барнаби почтительно вытянулись, Прыгун переступил порог главного зала.

Внутри царило ослепительное великолепие. Сводчатые потолки терялись где-то в вышине, сотни парящих в воздухе свечей — сразу чувствуется, на магии здесь экономить не стали — заливали помещение тёплым золотистым светом, а длинные дубовые столы ломились от таких кулинарных изысков, что желудок Эмиля уважительно сжался.

Великолепию зала ничуть не уступала и собравшаяся здесь публика, словно сама ставшая частью его роскошного убранства.

Волшебники в парадных мантиях добавляли обстановке ещё больше торжественности и совершенно необходимого в таких случаях количества вышивки.

Представители великих орденов возвышались, словно несокрушимые каменные утёсы в море легкомысленного бархата и кружев.

А вот где действительно творилась настоящая магия, так это возле представителей могущественных гильдий. Глава Купцов, похожий на богато разодетую бочку, вполголоса шептался с банкиром. В толпе мелькали цеховые значки оружейников, ювелиров и алхимиков. Эти люди вряд ли умели метать файерболы или в совершенстве владели двуручным мечом, но именно они держали в своих цепких руках экономику всего мира.

Светский раут явно обещал быть нескудным. Оставалось только найти в этом бурлящем котле из благородной крови, магии и амбиций своих компаньонов. Впрочем, Эмиль вычислил их без труда. В этом царстве тонких шёлков, пудры и светских улыбок Годфри и Заира смотрелись примерно так же органично, как два боевых топора на выставке хрупкого фарфора.

Сэр Годфри, сменивший привычные тяжёлые латы на парадный дублет, выглядел в нём примерно так же естественно, как осадная башня, задрапированная бархатом.

Заира в своём наряде чувствовала себя куда увереннее. Она сменила льняную рубаху на изящное тёмное платье, которое, тем не менее, имело подозрительно свободный крой в районе бёдер — идеальный фасон, чтобы при необходимости с разворота прописать кому-нибудь ногой в челюсть, не порвав при этом подол.

— Надеюсь, кормят тут так же хорошо, как одеваются, — философски заметил Эмиль, вырастая у них за спиной.

Годфри вздрогнул и чудом не откусил кусок от своего бокала. Заира резко обернулась, и на пару секунд застыла, молча разглядывая подошедшего.

— Ржавый Свет! А я ведь предупреждал тебя, Заира, — басовито хмыкнул паладин, с явным удовольствием оглядывая Эмиля. — Говорил же, что ты будешь приятно удивлена, увидев нашего Барнаби при полном параде.

— Он выглядит как сбежавший из-под венца виконт, — фыркнула Заира, скрестив руки на груди и смерив его оценивающим взглядом.

— Да так, извлёк из недр собственного сундука, — Эмиль легкомысленно пожал плечами, перехватывая бокал у пробегающего мимо лакея. — В обществе людей, которые могут купить твою жизнь чисто от скуки, лучше выглядеть так, будто ты стоишь хотя бы вдвое дороже.

Их светскую беседу прервал внезапно стихший гул голосов. Музыканты на балконе торопливо свернули свою жизнерадостную тренькающую мелодию и перешли на что-то медленное и максимально торжественное. Толпа аристократов поспешно и даже как-то суетливо расступилась, образуя широкий коридор к главному столу.

В зал неспешно вошёл лорд де Понс. Он выглядел ровно так, как должен выглядеть человек до неприличия богатый, слегка скучающий и абсолютно уверенный в том, что весь этот мир существует исключительно для его личного удобства.

Но всеобщее гробовое молчание было вызвано вовсе не появлением местного владыки.

Рядом с лордом шагал Верховный инквизитор Церкви Света. Человек в абсолютно чёрной, лишённой любых украшений сутане. В нём не было ни капли зловещего величия или пугающей магии, он походил скорее на невероятно уставшего бухгалтера: бледное лицо, тонкие поджатые губы, цепкий колющий взгляд. Однако там, где он проходил, вино в бокалах, казалось, самопроизвольно скисало, а здоровенные, покрытые шрамами паладины вдруг начинали с огромным интересом изучать носки собственных сапог.

Эмиль чуть склонил голову, пряча лицо за краем хрустального бокала, и едва слышно процедил:

— Не каждый день встретишь Верховного инквизитора Церкви Света на светской попойке. Какая... неожиданная честь.

— И это очень дурной знак, Барнаби, — так же тихо отозвался Годфри. Добродушный бас бесследно исчез из его голоса, сменившись стальным напряжением. — Говорят, этот человек способен найти признаки ереси даже в конструкции табуретки. И вам не кажется, что запахло костром?

Лорд де Понс и его мрачный спутник неспешно прошествовали через замерший зал. Казалось, даже пламя в парящих свечах перестало трещать, чтобы не привлекать к себе внимания Инквизитора. Когда они достигли главного стола, возвышающегося на небольшом помосте, хозяин поместья жестом, полным тщательно отрететированного радушия, указал человеку в чёрном на почётное место по правую руку от себя.

Как только Инквизитор опустился в кресло с высокой резной спинкой, невидимая пружина, сковавшая зал, наконец лопнула.

Зал мгновенно наполнился какофонией звуков. Присутствующие спешно рассаживались по своим местам, сопровождаемые шорохом тяжёлых тканей, скрипом отодвигаемых стульев и нервным перешёптыванием. Все старались делать вид, что абсолютно спокойны, но на деле едва ли не толкались локтями, спеша занять места как можно ближе к помосту.

Годфри, Заира и Эмиль не стали участвовать в этой негласной давке. Они плавно, как единый организм, отступили к самому дальнему столу.

Сэр Годфри опустился на резной стул с видом обречённого мученика, мысленно молясь Свету и Святому дубу, чтобы трещащие швы его парадного дублета выдержали хотя бы до десерта. Заира скользнула на место рядом с ним и первым делом небрежным жестом отодвинула кувшин — ровно настолько, чтобы освободить траекторию для броска, если вдруг придётся хватать со стола нож для стейка. Эмиль же уселся с вальяжной грацией истинного аристократа, поправил кружевные манжеты, но из-под полуопущенных ресниц его взгляд намертво приклеился к фигуре Инквизитора.

Словно по невидимому сигналу, из боковых дверей вереницей потянулась армия слуг. На столы с лёгким стуком опускались огромные серебряные подносы, наполненные всевозможными лакомствами, и тяжёлые хрустальные кувшины, полные густого рубинового вина.

Пир набирал обороты, стремительно превращаясь из светского раута в изысканную, но всё же банальную попойку. Спустя час звон бокалов и хруст запечённых пороссячих корочек окончательно победили гнетущую ауру Главы Инквизиции. Человеческая природа брала своё: аристократия пила, ела и сплетничала с удвоенной силой, словно пытаясь доказать самим себе, что они всё ещё живы и ни в чём не подозреваются.

Наша троица отдавала кулинарным изыскам должное, каждый в своей неповторимой манере. Сэр Годфри методично уничтожал стратегические запасы кабанины, орудуя ножом с грацией опытного мясника. Заира отдавала предпочтение лёгким закускам, пережёвывая пищу

медленно и задумчиво. Эмиль же откровенно наслаждался. Он лениво потягивал вино, закусывая его нежнейшим паштетом, мысленно поблагодарив Барнаби за отличный аппетит и крепкий желудок.

Лорд де Понс, до этого вяло поддерживавший светскую беседу с соседями, аккуратно опустил свой кубок, склонился к Инквизитору и едва заметно кивнул.

Человек в чёрной сутане, к вину так и не притронувшийся, медленно промокнул тонкие губы белоснежной салфеткой и плавно поднялся.

Хозяин замка тут же встал следом. Жестом иллюзиониста, отвлекающего публику, он улыбнулся гостям, призывая их продолжать пиршество, а затем в компании Инквизитора неспешно направился к узкой боковой двери, почти незаметной за тяжёлыми гобеленами.

А дальше начался настоящий спектакль для тех, кто умел смотреть.

Словно по команде, от разных столов начали отслаиваться самые тяжеловесные фигуры этого вечера. Процесс был запущен настолько плавно, что увлечённая едой толпа ничего не заметила.

— Смотрите в оба, — едва слышно бросил Эмиль, не меняя расслабленной позы. — Начался исход сильных мира сего.

Годфри и Заира, не переставая жевать, скосили глаза в указанном направлении.

Первым со своего места поднялся Магистр Ордена Иуды Великомученика. Сразу за ним, стараясь не звенеть шпорами, потянулись главы и представители других великих орденов — суровые мужчины, которым явно было тесно в рамках светской беседы.

Затем настала очередь экономики. Глава Купцов, кряхтя, вылез из-за стола и семенящим шагом покатился к той же двери, увлекая за собой верховного банкира и нескольких самых влиятельных гильдейских представителей.

Зал продолжал гудеть, смеяться и звенеть хрусталём, даже не подозревая, что вся реальная власть, армия и казна королевства только что покинули помещение.

— Хрустальные Хребты, — тихо констатировал Эмиль, задумчиво крутя за ножку пустой кубок. В его глазах загорелся холодный, расчётливый огонёк. — Бьюсь об заклад на свой парадный камзол, они обсуждают именно ту экспедицию, ради которой меня сюда и вытащили.

— И тебя, как главного трополаза, на этот совет, естественно, не позвали, — с лёгкой иронией заметила Заира, отпивая вино.

— Именно, — кивнул Эмиль. — Потому что нанимателю не нужен геодезист за столом переговоров. Ему нужен слепой, исполнительный инструмент, который просто пойдёт и выполнит свою работу. И что-то мне подсказывает, друзья мои, — шансы пережить этот контракт у меня только что резко поползли вниз.

Пир тем временем плавно перетёк в ту стадию, когда приличные аристократы начинают громко икать, а менее приличные — засыпать лицом в паштете.

Эмиль, сменив блюдо, как раз ковырялся вилкой в загадочном кулинарном шедевре, пытаясь определить, было ли это нечто при жизни птицей, рыбой или плодом чьей-то больной фантазии.

Из раздумий его вырвал деликатный кашель за спиной.

Это был не лакей с очередным подносом перепелов. Рядом вырос закованный в парадную, но вполне боевую броню гвардеец с гербом дома де Понс на груди.

— Мастер Барнаби? — голос воина прозвучал вежливо, но с той специфической интонацией, которая не подразумевает отказа. — Его светлость лорд де Понс просит вас присоединиться к нему в малом зале.

Эмиль медленно моргнул. Затем уголки его губ поползли вверх, складываясь в безупречную, светскую полуулыбку, которую он так удачно примерил вместе с роскошным камзолом Трополаза.

— Что ж, — Прыгун изящно поднял свой кубок и сделал последний, неспешный глоток рубинового вина. — Беру свои слова назад, друзья. Кажется, слепой инструмент всё-таки понадобился.

— Просто постарайся не согласиться на собственную казнь, Барнаби, — посоветовала Заира с лёгкой усмешкой.

— Иди-иди, Барнаби, — добродушно пробасил паладин, не отрываясь от процесса уничтожения бараньей ноги. — И слушай, если у них там, за закрытыми дверями, наливают вино получше, чем это — прихвати бутылочку на обратном пути, сделай милость.

— Ваша забота трогает меня до слёз, — усмехнулся Эмиль. Он повернулся к застывшему изваянием гвардейцу и сделал лёгкий, приглашающий жест рукой. — Ведите, любезный. Не будем заставлять ждать лорда де Понса.

Эмиль развернулся и неспешным, уверенным шагом последовал за стражником сквозь шумный зал.

Гвардеец с каменным лицом отодвинул тяжёлый гобелен и приоткрыл узкую, обитую тёмной кожей дверь. В спину Эмилю ударил последний мощный залп шумного веселья, звона посуды и нестройного пения — а затем дверь бесшумно закрылась, отсекая праздник, словно гильотиной.

Прыгун оказался в небольшом зале с высокими сводами. В отличие от сияющего золотом главного помещения, здесь царил густой полумрак, разбавляемый лишь массивным серебряным канделябром в центре стола. Воздух был спёртым, тяжёлым и пах сургучом, дорогим табаком и тишиной, которая бывает только там, где решаются судьбы государств.

Эмиль ожидал полного стола. За столом сидели четверо.

Лорд де Понс сидел, откинувшись на спинку кресла, с ленивой уверенностью человека, которому принадлежат и стол, и вино, и все двенадцать стульев. Рядом, сложив бледные пальцы на сукне, застыл глава Инквизиции. И двое волшебников.

Одного из них Эмиль узнал сразу. Впрочем, знакомы ему были оба. Первый — глава Ордена Магии Верхнего Королевства, человек, которого Барнаби прежде видел лишь на официальных церемониях.

А вот второго он знал куда лучше.

Это был его старый товарищ с совершенно неподходящим для волшебника именем Фредди Странник. Барнаби успел пройти с ним не одну экспедицию, разделить не один костёр и выбраться из нескольких мест, куда разумный человек вообще не стал бы заходить без очень веской причины.

На стене, прямо напротив двери, висела огромная карта. Сверху на ней красовался единственный лаконичный заголовок, выведенный суровым готическим шрифтом: «Саксон».

Поверхность стола была завалена свитками и кипами чёрной бумаги, на которой белыми чернилами были выведены списки, таблицы, имена и какие-то цифры. Перед каждым сидящим стоял бокал из тёмного стекла, наполненный вином настолько густым, что оно казалось чёрным.

Когда Эмиль вошёл, звук его шагов по каменным плитам прозвучал в тишине слишком громко, отдаваясь гулким эхом под сводами. Все глаза за столом — властные, расчётливые и мёртвенно-холодные — синхронно повернулись в его сторону. Лорд де Понс чуть заметно улыбнулся и указал на один из свободных стулов.

— А, мастер Барнаби, — голос хозяина замка прозвучал мягко, но с явным весом. — Прошу вас, присаживайтесь. Мы как раз завершили обсуждение, сколькими людьми и каким золотом готовы рискнуть, чтобы вы проложили нам дорогу в Хребты. Садитесь. У нас мало времени, а карта сама себя не перерисует.

Эмиль прошёл к столу, стараясь, чтобы его походка выглядела уверенной, а не обречённой. Тяжёлое дубовое сиденье скрипнуло под ним с таким звуком, словно тоже решило выска-

затъ своё мнение о происходящем. Вблизи стало ясно, что листки чёрной бумаги — это расчёты ресурсов. Белыми чернилами были выведены колонки: «Провизия на 40 дней», «Запасные подковы», «Святая вода (освящённая лично епископом)» и длинный перечень имён, напротив которых стояли цифры — судя по всему, жалование или страховка на случай... отсутствия возвращения.

Лорд де Понс дождался, пока Эмиль устроится, и обвёл присутствующих взглядом.

— Господа, перед вами мастер Барнаби. Один из лучших Трополазов Гильдии и единственный, кто рискнул утверждать, что знает, как пройти через Хрустальные Хребты Азурита, не потеряв по дороге рассудок и половину людей.

Верховный инквизитор медленно повернул голову к Эмилю. Его взгляд был похож на два ледяных сверла.

— Рискованное утверждение, мастер, — тихо произнёс он. Его голос напоминал шелест сухих листьев на могильной плите. — Учитывая, что даже Свет отвернулся от этих гор, превратив их в лабиринт, где сама дорога может заблудиться. Вы верите, что... ваши таланты угодны Свету и королю?

Эмиль выдержал этот ледяной взгляд, слегка наклонил голову и сохранил на лице безупречную светскую полуулыбку.

— Вера — это по вашей части, Ваше Высокопреосвященство, — ответил он ровным, даже слегка скупающим голосом. — Моя часть — это сделать так, чтобы дорога появилась там, где её не было вчера. Лорд де Понс платит мне за то, чтобы я провёл экспедицию по этой дороге. А за всё остальное? За монстров, проклятия, дурной глаз и забытые в лагере котелки я отвечать не буду. Моя работа — геометрия пространства. И раз уж я единственный, кто способен прочертить в нём путь, кто-то другой должен отвечать за мою безопасность.

На мгновение в зале воцарилась такая тишина, что было слышно, как нагорают фитили в канделябре. Фредди-Странник в углу стола едва заметно хмыкнул, пряча улыбку в бокале.

Лорд де Понс плавно поднял руку, гася повисшее напряжение жестом опытного дипломата. Он с лёгким, уважительным поклоном повернулся к Главе Инквизиции.

— Его Высокопреосвященство совершенно справедливо печётся о чистоте наших помыслов, и мы все безмерно благодарны Свету за эту заботу, — мягко, с безупречной почтительностью произнёс хозяин замка. Затем он перевёл спокойный взгляд на Эмиля. — Однако и мастер Барнаби по-своему прав. Человек, который прокладывает путь сквозь неизвестность, должен быть абсолютно уверен, что его спина надёжно прикрыта. Прежде чем мы столкнёмся с испытаниями веры, нам нужен физический путь, по которому туда смогут пройти наши люди.

Хозяин замка подался вперёд, опираясь локтями на заваленный документами стол, и его лицо мгновенно потеряло остатки светской приветливости. Взгляд стал жёстким, оценивающим.

— Перейдём к делу, Трополаз. Присутствующие за этим столом уже в курсе ситуации, но для вас я повторю всё кратко, чтобы развеять любые иллюзии относительно того, во что вы ввязываетесь. За последние два года в Хрустальные Хребты Азурита ушли три экспедиции.

Де Понс сделал короткую паузу, постучав пальцем по стопке чёрной бумаги с белыми именами.

— И ни одна из них не вернулась. Все три бесследно исчезли в горах. Никто до сих пор не знает, что с ними произошло.

Эмиль почувствовал, как неприятный холодок пополз по затылку. Это было отличным признаком того, во что он вляпался — и насколько глубоко.

Хозяин замка откинулся на спинку стула и взял в руки свой бокал с вином.

— А теперь, когда мы прояснили ставки, давайте обсудим состав нашей собственной экспедиции, которая, как мы надеемся, сможет пережить то, что сожрало предшественников. И,

учитывая ваши... справедливые требования к безопасности, Трополаз, мы готовы вас выслушать. Кого бы вы хотели видеть рядом с собой в этом проклятом месте?

Эмиль выдержал небольшую паузу, позволяя тишине повиснуть над столом.

— Мои запросы скромны, милорд. Я бы хотел видеть за своей спиной людей, с которыми у меня есть хотя бы призрачный шанс вернуться.

Прыгун слегка пожал плечами.

— Мастер Фредди. С ним мы уже глотали пыль нескольких экспедиций.

— И после каждой клялись больше этого не делать, — сухо заметил Фредди.

Эмиль приветственно кивнул в сторону Странника.

— Судя по тому, что он находится за этим столом, я так понимаю, что он уже в составе. Сэр Годфри, паладин Ордена Святого Железного Дуба. Он...

— Да-да, сэр Годфри, — хозяин замка прервал его. — Он должен был находиться за этим столом! Он командир экспедиции.

Фредди-Странник тихо хмыкнул. Судя по всему, повадки Годфри были ему отлично знакомы.

— Мы решим вопрос с его дисциплиной позже, — сухо отрезал де Понс, возвращая разговор в деловое русло.

— И госпожа Заира. С ней мы до этого дня дел не имели, но у неё исключительно правильный, параноидальный взгляд на мир. Сразу оговорюсь: я понятия не имею, согласится ли она вообще на эту... прогулку.

— Госпожа Заира? — заинтересованно переспросил лорд де Понс. — Это случайно не та южанка, которая победила на гонках колесниц?

— Да, милорд.

Лорд де Понс удивлённо приподнял бровь и покосился на главу Инквизиции. Тот, не меняя выражения бледного лица, коротко кивнул.

— Она ведь выступает за Железный Дуб... Что ж, думаю, это можно устроить, — сказал де Понс. — Что-нибудь ещё, Трополаз?

— Нет, милорд, — качнул головой Эмиль. — Этого более чем достаточно.

— Отлично. — Лорд отставил бокал. — Тогда, надеюсь, Трополаз, ты понимаешь, что отпустить тебя в горы в компании одних лишь названных тобою людей мы, разумеется, не можем.

— Понимаю, милорд, — согласился Эмиль. — Прекрасно понимаю.

— Вот и славно. — Де Понс неспешно сцепил пальцы. — Основной состав экспедиции мы уже определили. С тобой пойдут по два паладина от каждого из Великих Орден, двое паладинов королевской гвардии Верхнего Королевства — так пожелал король — и двое воинов из моей личной гвардии.

Эмиль молча кивнул, мысленно начиная подсчёт.

— Кроме того, — с явным удовольствием продолжил лорд, — Гильдия Купцов и Банк, что финансируют львиную долю похода, любезно выделили нам пятерых эльфийских лучников.

«Эльфы-наёмники, — Прыгун сохранил на лице вежливый интерес. — Стоят как небольшой замок, высокомерны до тошноты, но бьют без промаха. Решили не мелочиться».

— А Гильдия Оружейников на пару с Гильдией Ювелиров предоставили пятерых гномов с тяжёлыми арбалетами. Лучше них никто не разбирается в скалах и пробивании толстых шкур.

«Эльфы и гномы. В одном отряде. Просто замечательно». — Эмиль мысленно возвёл глаза к потолку.

— Ну и, само собой, — де Понс повёл рукой в сторону мага, — с вами идут мастер Фредди и старший инквизитор Кассиан.

Эмиль задумался, мысленно подбивая финальный итог. Трополаз, Заира (чьё согласие ещё под большим вопросом), сэр Годфри, маг-бродяга, старший инквизитор Кассиан, королевские гвардейцы, гвардейцы де Понса, паладины Орденов, пятёрка эльфов и пятёрка тяжеловооружённых гномов. Не экспедиция, а бродячий цирк, способный взять штурмом небольшую крепость.

Он перевёл взгляд на лорда де Понса и выдал свою дежурную, абсолютно непроницаемую улыбку.

— Эльфы, гномы, Инквизитор, маг и паладины, — протянул Эмиль. — Звучит как начало плохого трактирного анекдота, милорд. Главное, чтобы мы не перебили друг друга до того, как доберёмся до первых гор. Когда выступаем?

Глава 5

Рассвет второго дня выдался серым и колючим, словно старая шерстяная попона. Над внутренним двором замка лорда де Понса висел густой, липкий туман, в котором звуки вязли, а фигуры людей казались призрачными тенями. Воздух пах мокрым камнем, лошадиным потом и тревожным холодком, который всегда предвещает долгую дорогу в один конец.

Эмиль стоял у коновязи, методично затягивая подпругу своего мерина. Его роскошный парадный камзол отправился на дно сундука, уступив место практичной куртке из толстой кожи, побитому плащу и высоким сапогам. Трополаз вернулся в свою «рабочую кожу» — в этой привычной броне странника он чувствовал себя гораздо увереннее.

— Если мы не вернёмся, я лично прокляну твой труп, — раздался за спиной знакомый хриплый голос. — Хотя нет, прокляну в любом случае — за то что втянул меня в этот бродячий цирк.

Заира возникла из тумана бесшумно. Она была затянута в чёрную кожу, за спиной виднелся чехол с коротким луком, а количество ножей на её поясе, казалось, удвоилось. Под глазами залегли тени — последние дни она явно потратила не на сон, а на тщательную проверку каждого ремешка и каждой стрелы.

— Не ворчи, Заира. В пути у тебя будет возможность проклясть меня столько раз, сколько захочешь, — не оборачиваясь, ответил Эмиль. — Но когда мы вернёмся, я потребую свою долю из того золота, что орден заплатит тебе за экспедицию.

С другого конца двора донёсся грохот, словно кто-то уронил телегу с кастрюлями, а затем — густой, раскатистый бас:

— Дорогу палadiniам! И аккуратнее с этим бочонком, парень! Если прольёшь хоть каплю святой... э-э... живительной влаги, я лично предам тебя анафеме!

Сэр Годфри явился во всём блеске своего нового статуса. На нём была начищенная до зеркального блеска кираса, в которой при желании можно было бриться. Огромный двуручный меч, зачехлённый в грубую кожу, возвышался над плечом, как мачта корабля. Несмотря на ранний час и явное похмелье, выглядел он пугающе бодро.

— Барнаби! Заира! — Годфри широко улыбнулся, и его доспехи весело звякнули. — Вы только посмотрите на это сборище. Половина двора забита эльфами, которые смотрят на нас как на грязь под копытами, а вторая половина — гномами, которые уже начали спорить с интендантами из-за качества сухарей. Я, кстати, на стороне гномов. Сухари действительно пахнут прошлогодним сеном.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Годфри, — усмехнулся Эмиль. — Я вижу, ты основательно подготовился к походу. Твой доспех сияет так ярко, что мы можем использовать его как маяк в тумане.

— О, это не просто доспех, друг мой! — Годфри с гордостью похлопал себя по кирасе. — Это символ веры! Веры в то, что даже в самых тёмных пещерах Хребтов мы не останемся без горячей еды. Я, кстати, договорился с поваром, и он укомплектовал меня небольшим запасом сыра и копчёной колбасы. В честь отбытия.

— Годфри, мы идём в проклятые горы, где исчезают целые экспедиции, — Заира закатила глаза. — Ты уверен, что сыр — это то, что тебе нужно?

— Дорогая Заира, — паладин ехидно подмигнул ей, — на пустой желудок даже монстры кажутся страшнее. А с куском хорошего сыра в руке... ну, по крайней мере, я умру счастливым.

Эмиль обернулся и окинул взглядом двор. Туман постепенно рассеивался, обнажая пёструю и опасную картину. Пятёрка эльфийских лучников застыла у ворот — тонкие, изящные фигуры в серо-зелёных плащах, чьи лица казались высеченными из мрамора. На другом

фланге, на кряжистых пони, сидели пятеро гномов: их тяжёлые арбалеты лежали поверх сёдел, готовые к бою в любую секунду, а бороды тщательно заплетены в походные косы.

Между ними, словно тяжёлые стальные валуны, застыли восемь конных паладинов — по двое от остальных четырёх Великих Орден. Мрачные воины держались обособленной, молчаливой группой, всем своим видом демонстрируя суровую воинскую элитарность.

В центре двора, отдельно от всех, застыла группа в чёрном и красном. Инквизитор в сопровождении двух рослых паладинов королевской гвардии и двоих от де Понса, напоминал тёмное пятно на сером фоне рассвета.

Чуть поодаль, привалившись спиной к крепостной стене, стоял Фредди-Странник. Маг лениво жевал травинку, опираясь на свой посох, и наблюдал за этой суетой с философским спокойствием человека, купившего билет на очень плохую пьесу.

Внезапно гул голосов во дворе стих. Инквизитор сделал шаг вперёд. Его голос не был громким, но разрезал утреннюю сырость, как ледяной клинок, заставив прислушаться даже высокомерных эльфов.

— Прежде чем мы покинем эти стены, — произнёс человек в чёрном, обводя отряд немигающим взглядом, — надлежит уяснить порядок. По воле Церкви Света и Короны я являюсь полноправным главой этой экспедиции. Моё слово — закон во всём, что касается цели нашего похода и вопросов веры. Любое неповиновение будет расценено как измена Свету.

Он перевёл тяжёлый взгляд на сверкающую кирасу Годфри.

— Однако Свет учит нас мудрости. Сэр Годфри из ордена Железного Дуба назначен командиром экспедиции. На марше, во время стоянок и в бою — если, не покажи Свет, до него дойдёт — вся полнота власти принадлежит ему.

— Мастер Барнаби, — ледяные глаза Инквизитора сверкнули в сторону Эмиля. — Наш проводник. Выбор тропы, темп движения и навигация — исключительно его прерогатива. Куда укажет Трополоз, туда мы и пойдём.

— А если кто-то решит плюнуть в нас злым мороком, древним проклятием, огнём, морозом или какой-нибудь другой колдовской дрянью, — подал голос Фредди-Странник, небрежно выплёвывая травинку, — то с этой головной болью буду разбираться я. Всё, что касается магии и чар, — на мне.

Инквизитор недовольно поджал тонкие губы, но коротко кивнул, подтверждая полномочия мага.

Эмиль мысленно хмыкнул, поправляя поводья. Идеальная структура. На бумаге этот план выглядел безупречно. Оставалось лишь посмотреть, как быстро вся эта стройная иерархия полетит в бездну, когда они столкнутся с первой же настоящей угрозой в Хребтах.

Как только Инквизитор замолчал, сэр Годфри с лязгом шагнул вперёд, с явным удовольствием вступая в должность. Его добродушная улыбка исчезла, уступив место собранности бывалого командира.

— Отлично! А теперь слушайте мой приказ, — пробасил паладин, и его голос без труда перекрыл скрип сёдел и фыркание коней. — До гор нам ещё пилить и пилить по землям лорда де Понса, так что осаду держать рано. Но порядок в колонне нужен с первого же шага, чтобы не растянуться по всей провинции, как стадо слепых овец. Построение походное!

Годфри указал массивным пальцем в сторону ворот.

— Барнаби, ты наш Трополоз. Твоё место — в авангарде, задаёшь темп и направление. Заира, прикрываешь его. Уважаемые эльфы, — паладин кивнул лучникам. — Выделите одного, самого зоркого, в передовой дозор. Пусть едет на милю впереди колонны. Остальные — в общую группу, силы вам ещё понадобятся.

Эльфы переглянулись. Один из них, с едва заметным кивком, тронул поводья и отделился от остальных, готовясь выехать первым.

— Ваше Преподобие, — Годфри чисто символически поклонился Инквизитору. — Вы, ваша гвардия и наш маг-Странник держитесь в центре. Это ядро колонны.

Затем паладин повернулся к восьмёрке закованных в сталь ветеранов из Великих Орде-нов.

— Братья! Вы — наши стальные стены. Растянитесь по флангам вокруг центра. Вы люди тяжёлобронированные, так что если из придорожных кустов вдруг прилетит шальная стрела местных лиходеев, ваши кирасы её даже не заметят. Сбережём мага и начальство от лишних царапин.

Наконец, взгляд Годфри упал на суровых бородачей, сидевших на своих кряжистых пони.

— Мастера гномы. Выделите двоих в арьергард. Пары ваших тяжёлых арбалетов за спи-ной будет более чем достаточно, чтобы отбить у любых дураков желание проверять наши седельные сумки с тыла. Остальные — в колонну, поближе к повозкам с провиантом.

Гномы одобрительно загудели. Идея ехать рядом с едой и не устраивать полномасштаб-ный боевой марш по мирной территории пришлась им по душе. План Годфри был практичным и не выматывал людей раньше времени.

— Открыть ворота! — зычно скомандовал военный командир экспедиции, выхватывая меч из ножен на половину длины лезвия и с лязгом загоняя его обратно. — Выступаем!

Ворота замка со стоном поползли вверх, открывая путь в туман, к горам, из которых не вернулись три экспедиции.

Первые несколько часов пути прошли в обманчиво спокойном ритме. Утренний туман неохотно рассеялся, уступив место бледному, но тёплому солнцу Саксона. Колонна двигалась слаженно, как единый, хорошо смазанный механизм.

Мерный стук копыт убаюкивал. Одиноким эльф-разведчик маячил далеко впереди, словно зелёная точка на фоне пожелтевших полей. В центре, окружённый стальным кольцом из восьми тяжеловооружённых паладинов, ехал Инквизитор. Замыкали процессию гномы, чьё недовольное, но тихое ворчание сливалось со скрипом телег с провиантом.

По расчётам Трополаза, до подножия Хрустальных хребтов Азурита им предстояло от недели до десяти дней пути через всю провинцию. Пока дорога была относительно безопасной, отряд позволил себе немного расслабиться.

Дорога плавно пошла на подъём, увлекая колонну на широкий каменистый холм. Выехав на вершину первым, Эмиль натянул поводья, давая своему мерину перевести дух, и обернулся.

Он хотел просто бросить прощальный взгляд на долину, на оставшийся в десятке миль позади Грязноводск и мрачный силуэт Замка Опалённой Розы.

Но стоило ему сфокусироваться, как что-то в пейзаже сдвинулось.

Привычный пейзаж треснул по швам. Вместо россыпи покосившихся соломенных крыш и каменных стен замка далеко внизу раскинулось нечто совершенно иное.

Стекло. Бетон. Сталь.

Там, на горизонте, сквозь плотную сизую дымку вонзались в небо исполинские небо-скрёбы. Далеко внизу отчётливо проступали широкие серые артерии проспектов, по которым текли сверкающие на солнце реки металла. Вместо шелеста ветра над долиной повис тяжёлый, непрерывный низкочастотный гул — утробное дыхание огромного мегаполиса из другой все-ленной.

Сердце Прыгуна пропустило удар. Он крепко зажмурился, до боли сжав веки, и мотнул головой так резко, что едва не потерял равновесие в седле.

«Соберись, Барнаби», — мысленно рявкнул он сам себе и распахнул глаза.

Наваждение рассыпалось в пыль. Силуэты небоскрёбов растаяли, тяжёлый рокот сме-нился фырканием лошади сэра Годфри, подъезжающего сзади. Внизу снова лежал унылый, пропахший дымом костров Грязноводск, утопающий в суевериях.

— Ничего себе глюки... — тихо, одними губами прошептал Эмиль. Пальцы, сжимавшие кожаные поводья, слегка побелели от напряжения.

— Красивый вид, а, Барнаби? — пробасил подъехавший Годфри, останавливая своего дестриэ рядом с Эмилем и с удовольствием оглядывая долину. — Прощаемся с цивилизацией. Дальше только ветер, камни и плохие трактиры.

— Да, — медленно ответил Прыгун, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вид просто незабываемый.

Он отвернулся от долины и посмотрел вперёд, туда, где на самом краю горизонта сизой зубчатой стеной возвышались Хрустальные хребты. Внутри Эмиля всё похолодело.

Это была не усталость после раннего подъёма — что-то иное, куда более тревожное. Будто кто-то забрался в его память, нашёл там один из городов, вытащил его из воспоминаний и вдруг явил перед глазами — настолько ясно, словно Эмиль вновь смотрел на него с вершины холма. И он готов был поклясться: это был Монтмар.

Эмиль выдохнул и поправил воротник куртки. Любопытно. И к чему, спрашивается, был весь этот спектакль с дешёвыми спецэффектами? Криво усмехнувшись, он пришпорил коня. Похоже, за этот контракт лорд де Понс ему сильно недоплатил.

Остаток дня прошёл без происшествий. Солнце медленно скатилось за горизонт, окрасив небо в тревожные багровые тона, и отряд остановился на ночлег, выбрав просторную поляну у изгиба неширокой реки.

Сэр Годфри, полностью оправдывая свою должность военного командира, моментально навёл порядок. Эльфы, не проронив ни слова, заняли позиции на ветвях раскидистых деревьев по периметру. Гномы деловито окопались возле телег с провиантом, соорудив из них импровизированную баррикаду, а паладины Великих Орденов разбили парные дозоры. Инквизитор же, к всеобщему облегчению, удалился в свой походный шатёр сразу после того, как спешился, предоставив «бродячему цирку» возможность выдохнуть.

После плотного ужина, состоявшего из наваристой мясной похлёбки и щедрой порции того самого копчёного сыра, напряжение первого дня окончательно спало. Лагерь погрузился в сонную тишину, нарушаемую лишь потрескиванием дров да фырканием лошадей.

Эмиль сидел у затухающего костра, вытянув гудящие ноги. В зубах он сжимал свою любимую раскуренную трубку, а в руке держал пузатую бутылку терпкого вина, периодически делая из неё неспешные глотки.

Сбоку раздался тихий шорох, и из полумрака вынырнула фигура Фредди-Странника. Маг бесшумно опустился на соседнее бревно, поёжился от вечерней сырости и протянул руки к огню. Его взгляд выразительно скользнул по бутылке в руках Прыгуна.

— Плесни-ка и мне, Барнаби, — негромко попросил Фредди, доставая из-за пазухи свой походный кубок. — Чувствую, на трезвую голову переварить эту компанию у меня не выйдет.

Эмиль с лёгкой усмешкой щедро наполнил кубок мага. Фредди сделал солидный глоток, благодарно кивнул и уставился на танцующие языки пламени.

— Ну, для первого дня мы умудрились никого не убить и даже не переругаться, — философски заметил Странник. — Считаю это грандиозным успехом. Как тебе начало нашего самоубийственного турне, Барнаби?

— Если не считать того, что Инквизитор смотрит на нас так, будто мысленно уже подбирает дрова для костра, то всё идёт просто отлично, — ответил Эмиль, выпуская в прохладный воздух сизое кольцо дыма. — По крайней мере, Годфри знает своё дело, а гномы пока не пытаются отстрелить эльфам уши.

— Это только пока мы на ровной дороге, — хмыкнул маг, согревая ладони о кубок с вином. — Посмотрим, что запоют эти благородные господа, когда у них под ногами начнут осыпаться скалы.

Фредди взял сухую ветку свободной рукой и задумчиво пошевелил угли. Несколько секунд они сидели в тишине. Затем маг отбросил ветку, повернулся к Эмилю, и его привычно-расслабленное лицо вдруг стало абсолютно серьёзным.

— Кстати, о том, что происходит под ногами, — тихо произнёс Странник, убедившись, что паладины в дозоре находятся достаточно далеко и не греют уши. — Когда мы проезжали тот высокий каменистый холм, в паре лиг от Грязноводска... Ты выехал на вершину первым, обернулся и вдруг замер.

Эмиль не изменился в лице, но его пальцы чуть крепче сжали горлышко бутылки.

— Я шёл в центре колонны, — продолжил Фредди, пристально глядя на Трополаза сквозь дым костра. — И почувствовал странную, очень тяжёлую вибрацию. Будто небо над головой на секунду свернулось узлом, а земля пошла рябью прямо под ногами. Скажи мне, Барнаби, ты ничего необычного не заметил, когда оборачивался на город?

Внутри у Эмиля всё похолодело. Колючий ледяной ком в желудке не имел никакого отношения к вечерней сырости. До этого момента ещё можно было допустить, что видение мегаполиса — всего лишь проекция его собственного разума, результат усталости и слишком богатого опыта Прыгуна, наложившегося на нестабильную здешнюю географию. Но если Фредди смог ощутить колебание пространства в тот самый миг... значит, дело было не просто в «глюке» у Эмиля в голове. За этим стояло что-то ещё. Нечто, непонятное даже ему — тому, кто прожил не одну жизнь в высокотехнологичных мирах и видел вещи, которые здесь сочли бы невозможными.

Это нечто прощупывало его, играючи вскрывало память Прыгуна и вытаскивало наружу то, что ему было нужно. А внутреннее чутьё всё настойчивее подсказывало: под стук копыт и бряцание стали они сами, уверенно и не подозревая об этом, шли напрямик в расставленные сети.

Эмиль сделал медленный глоток вина, чтобы выиграть пару секунд. Ставки в этой игре стали слишком высоки, чтобы просто отшучиваться. Если неведомый кукловод уже начал действовать, Фредди должен быть начеку. Прыгун решил, что маг заслуживает знать хотя бы часть правды.

— Ты не ошибся, Странник, — наконец ответил Эмиль, понизив голос. — Я тоже это почувствовал.

Фредди подобрался, его глаза в свете костра блеснули напряжённым ожиданием.

— На какую-то долю секунды долина внизу показалась мне... чужой, — продолжил Трополаз, глядя на тлеющие угли. — Словно поверх Грязноводска наложили сложный, невероятно масштабный морок. Я хотел проверить это искажение.

Эмиль похлопал себя по поясу.

— Но не успел я даже потянуться к стеземетру, как всё исчезло. Наваждение схлопнулось так же резко, как и началось, и пейзаж снова стал нормальным.

Маг-Странник мрачно кивнул, переваривая услышанное. Он допил остатки вина из своего кубка и долго смотрел на дно, словно пытаясь разглядеть там ответы.

— Значит, я не ошибся, — тихо попытожил Фредди. — Тот, кто не хочет, чтобы мы попали в эти горы, не просто обладает чудовищной силой. Он осторожен. Ткнул в нас пальцем — и сразу убрал руку. Проверил, кто дёрнется.

Эмиль сделал ещё глоток и криво улыбнулся.

— Добро пожаловать в экспедицию, Фредди. Если нам устраивают такие проверки в самом начале пути, боюсь даже представить, какой приём нас ждёт, когда мы доберёмся до цели.

Маг-Странник тяжело вздохнул. Он медленно поднялся с бревна и отряхнул полы походного плаща.

— Спокойной ночи, Барнаби. И постарайся сегодня выспаться как можно лучше, — тихо произнёс Фредди, всматриваясь в темноту за спиной Трополаза. — Потому что неизвестно, что нас ожидает завтра.

Бесшумно ступая по влажной траве, маг растворился в густой тени деревьев, уходя к своей стоянке.

Эмиль остался один. Он проводил взглядом Странника, поглощённого мраком, а затем посмотрел на пузатую бутылку в своей руке. В ней оставалось ещё с добрую треть вина. Колючий ледяной ком в желудке никуда не делся, а мысли о незримой сущности, судя по всему ставящей им палки в колёса, упорно не желали отпустить.

Трополаз тихо хмыкнул и мысленно махнул рукой. Выбив остывший пепел из трубки о каблук сапога, он поднёс горлышко к губам. Эмиль решил опустошить бутылку до самого дна, прежде чем завернуться в походный плащ и последовать совету мага. Крепкий сон ему сейчас точно не повредит, ведь дорога к горам уже начинала затягиваться, как петля.

Глава 6

Сон обрушился на Эмиля тяжёлым, непроницаемым пологом, стоило ему только завернуться в плащ и закрыть глаза. Вино сделало своё дело, приглушив тревожные мысли, но даже оно не смогло усыпить инстинкты, выкованные столетиями выживания на задворках десятков суровых миров.

Он проснулся так же резко, как если бы ему в лицо плеснули ледяной водой. Глаза распахнулись, а мозг мгновенно перешёл в боевой режим. Причиной стало едва уловимое, неестественное движение воздуха. И сладковатый, пряный запах оружейного масла, который не мог принадлежать ни одному из бойцов в их лагере.

Эмиль лежал неподвижно. В тусклом свете тлеющих углей над ним выросла безликая, закутанная в тёмные ткани фигура. Тень занесла руку с кривым, тускло поблескивающим лезвием, метя точно в сердце спящего.

Прыгун не потянулся за оружием. Времени на это уже не оставалось. Вложив всю силу в натренированные мышцы, он диким рывком бросил своё тело вправо, уходя глубоким перекатом прямо в холодную, сырую траву.

Удар был страшной силы. Изогнутый кинжал убийцы с глухим стуком вошёл глубоко в землю, насквозь пропоров толстую кожу походной подстилки там, где только что была грудь Трополаза.

— К оружию! Засада! — голос Эмиля разорвал ночную тишину, больше похожий на рык зверя, чем на человеческий крик.

Вскочив на колено, он выхватил свой тяжёлый кинжал. Нападавший с кошачьей грацией выдернул оружие из земли и уже заносил его для второго, бокового удара. Эмиль не стал блокировать. Вместо этого он сделал короткий, резкий выпад вперёд. Короткое лезвие Трополаза, подхваченное инерцией рывка, с влажным хрустом вошло убийце в грудь, пробивая тонкую ткань доспеха и кость.

Убийца замер. Его глаза, единственное, что было видно под капюшоном, расширились от удивления, а кривой клинок выпал из ослабевших пальцев. Эмиль с силой провернул кинжал, разрывая сердце и лёгкие, а затем резко выдернул его, отталкивая труп в сторону. На траву выплеснулась густая, почти чёрная в полумраке кровь.

Поднявшись в полный рост, он наконец смог оценить масштаб катастрофы. Краем глаза Трополаз уловил, как ещё около десятка таких же безмолвных фигур скользят между повозками, пытаясь бесшумно вырезать периметр. А со стороны реки воздух внезапно сгустился, запахло гнилой хвоей и мёртвым льдом. Из мрака с плотоядным шипением вырвался густой поток чёрного пламени, ударивший прямо в центр лагеря, целясь в шатёр Инквизитора.

Чёрное пламя уже почти лизнуло плотную ткань инквизиторского шатра, когда пространство перед ним с треском лопнуло. Фредди-Странник не стал тратить драгоценные мгновения на долгие словесные формулы. Он просто с силой впечатал наверху посоха в землю. Вокруг шатра мгновенно вспыхнул режущий глаза лазурный купол. Мёртвый огонь с воем врезался в магический щит, растекаясь по нему и разлетаясь во все стороны дождём шипящих, прожигающих траву искр.

Крик Эмиля и грохот магического столкновения окончательно сорвали с лагеря сонную одурь.

— К телегам! Держать периметр! — рык сэра Годфри перекрыл хаос внезапной схватки. Огромный паладин уже был на ногах. Его двуручник описал широкую дугу и с тошнотворным влажным хрустом снёс половину туловища убийцы, рискнувшему подойти слишком близко.

Восьмёрка ветеранов Орденов действовала как единый организм: они мгновенно сомкнули тяжёлые щиты, превратив ядро лагеря в ошестинившуюся железом крепость.

Сверху, из густых крон деревьев, беззвучной смертоносной моросью посыпались эльфийские стрелы, безошибочно находя уязвимые места в кожаных доспехах южан. А со стороны обоза раздался оглушительный, механический лязг — гномы слаженно разрядили свои тяжёлые арбалеты. Бронебойные болты прошивали нападающих насквозь, отбрасывая их в темноту, словно тряпичных кукол.

Но Эмилю было некогда наслаждаться тактикой отряда. Тот факт, что именно он поднял тревогу и сорвал идеально спланированную засаду, не остался незамеченным.

Одна из теней, плавно уйдя из-под обстрела эльфов, резко сменила траекторию и метнулась прямо к Прыгуну. Этот ассасин двигался иначе, чем убитый им секундами ранее. Он не крался — он скользил над самой травой, бросая тело из стороны в сторону в рваном, непредсказуемом ритме маятника. В его руках тускло мерцали два коротких изогнутых клинка, сплетающихся на бегу в смертоносную стальную восьмёрку.

Эмиль холодно прищурился, стряхивая с лезвия кровь первого нападавшего. Знакомый стиль. Он видел нечто подобное у фанатичных культистов на пустынных планетах системы Антарес — техника, рассчитанная на подавление и ослепление противника шквалом ударов. Прыгун перенёс вес на полусогнутые ноги и чуть опустил острие клинка, позволяя убийце подойти ближе.

Ассасин налетел на него звенящим вихрем. Два изогнутых лезвия выписывали в воздухе такие сложные и завораживающие восьмёрки, что его впору было нанимать для скоростной нарезки овощей на королевских банкетах.

Эмиль, вооружённый лишь тяжёлым кинжалом, оценил этот акробатический этюд со всем скепсисом человека, которого разбудили посреди ночи, пытаясь проткнуть. Лезть с коротким лезвием под эту мясорубку было глупо, но Прыгун и не собирался фехтовать по правилам. В этом идеальном, гипнотическом «маятнике» крылся один изъян, который Эмиль заучил ещё пару жизней назад в совершенно другом мире: любая показуха требует замаха.

Дождавшись, когда убийца перенесёт вес для очередной ослепительной комбинации, Трополаз просто шагнул вперёд, грубо ломая всю геометрию чужого танца. Он жёстко принял один клинок на крестовину своего кинжала, пропуская второй над плечом, и без затей всадил лезвие чужаку в горло, точно под кадык.

Убийца издал жуткий булькающий звук. В его расширенных глазах читалось крайнее возмущение таким неспортивным поведением. Выронив свои красивые, но теперь совершенно бесполезные железки, он мешком осел на сырую траву.

Эмиль выдернул кинжал, деловито вытер его о плащ убитого и окинул взглядом лагерь.

Остальные участники экспедиции тоже заканчивали свою незапланированную ночную разминку. Идеально спланированная засада разбилась о суровый профессионализм этого бродячего цирка. Паладины орденов, действуя как безжалостный стальной каток, втапывали в грязь последних сопротивляющихся. Гномы с эльфами устроили соревнование в меткости по движущимся в темноте мишеням, не давая уйти никому. Коротко и хищно свистнула ещё одна эльфийская стрела, намертво пригвоздив к стволу дуба тень, пытавшуюся раствориться в лесу.

Густой поток чёрного пламени, так и не сумевший пробить лазурный купол откровенно скучающего Фредди, вдруг стыдливо иссяк. Холодное присутствие чужого мага мгновенно рассеялось в ночном воздухе. Поняв, что его элитный отряд уничтожен за считанные минуты, колдун прекратил атаку, растворившись во мраке.

Ночь над лагерем снова вступила в свои права. Теперь её тишину нарушали лишь тяжёлое дыхание победителей, нервное всхрапывание лошадей, затихающие предсмертные хрипы убийц да тихое ворчание Эмиля о том, что за ночные смены в этой проклятой экспедиции явно должен полагаться двойной тариф.

— Доложить о потерях! — прогремел над поляной бас сэра Годфри, заставив вздрогнуть даже старые дубы. — Надеюсь, эти любители ночных прогулок не успели никому безнадежно испортить доспехи?

Командир экспедиции тяжело шагал между повозками, брезгливо переступая через трупы нападавших. Его доспехи, ещё вчера сиявшие зеркальным блеском, теперь были густо покрыты грязью и тёмными брызгами. Он на ходу вытирал свой гигантский двуручник пучком сорванной травы, всем своим видом демонстрируя скорее крайнюю степень раздражения, чем испуг.

— Остроухие? — рявкнул паладин, вглядываясь в кроны деревьев. — Вы там не уснули на ветках?

— Эльфы не спят на посту, сэр паладин, — донёсся сверху холодный, мелодичный голос Эридана, старшего лучника. — Мы не понесли урона. Ни один из этих невеж не сумел подобраться достаточно близко к деревьям.

— Прекрасно. Хоть кому-то сегодня не придётся штопать плащи, — хмыкнул паладин и продолжил переключку. — Братя? Что у Орденов?

Среди закованных в сталь воинов возникла короткая, тяжёлая заминка. Один из рыцарей медленно опустился на колени возле неподвижно лежащего товарища, чья грудь больше не вздымалась.

— Сэр Лоран пал, командир, — глухо произнёс паладин. — В клинках этих крыс был яд. Ублюдок поднырнул под щит и ударил точно в сочленение кирасы под мышкой. Но Лоран успел перерубить его пополам, прежде чем яд добрался до сердца.

Годфри помрачнел. Его показная весёлость на мгновение улетучилась, уступив место суровой скорби ветерана.

— Свет примет его доблестную душу, — паладин размахисто сотворил знак Света и, склонив голову, почтил его память молчанием.

Прошла тяжёлая минута.

— Жаль Лорана, — продолжил он наконец. — Он был отличным парнем, хоть его храп и отпугивал медведей в радиусе мили. Похороним его на рассвете со всеми почестями.

Годфри повернулся к импровизированной баррикаде из телег.

— Мастера гномы! Надеюсь, ваши роскошные бороды на месте, а эти мерзавцы не добрались до наших припасов?

Из-за повозок донеслась отборная, многоэтажная ругань на подгорном наречии, от которой у неподготовленного слушателя могли бы завянуть уши.

— Подавись своими шутками, длинноногий! — зло рыкнул старший из гномов, в ярости пиная ближайший труп, у которого отсутствовала большая часть головы. — Торвиг отправился в Чертоги Камня. Эта замотанная в тряпки гадина метнула нож вслепую из темноты. Аккурат над воротником кольчуги, прямо в шею.

— Скверная весть, — Годфри тяжело вздохнул, с уважением склонив голову. — Торвиг был храбрым малым и знал толк в хорошем эле. Утром мы выльем пинту неразбавленного на его могилу в последний раз. Но надеюсь, он не ушёл один?

— Ещё бы! — мстительно оскалился гном. — Торвиг успел разрядить свой арбалет этому ублюдку прямо в пасть. Сбирать его голову для опознания вам придётся по кустам.

Эмиль убрал свой кинжал в ножны и молча наблюдал за этой сценой, прислонившись плечом к стволу дерева. Напряжение боя постепенно отпускало, оставляя лишь тупую усталость и неприятный привкус во рту.

Он замер, собираясь сделать вдох, и вдруг мир вокруг словно остановился.

Эмиль привык доверять ощущениям. И сейчас его инстинкты орали благим матом. Адреналин от пролитой крови должен был утихнуть, уступив место привычным звукам ночи. Но их не было. Исчез назойливый стрекот цикад, который раздражал его весь вечер. Замолкли ноч-

ные птицы. Даже лошади у коновязи, которые секунду назад тревожно всхрапывали, почуяв кровь, теперь застыли в абсолютной, неестественной тишине. Громоподобный бас сэра Годфри, только что гремевший на всю поляну, показался Эмилю далёким, тусклым отзвуком, завязшим в густом киселе.

Трополаз медленно, стараясь не производить лишнего шума, поднял взгляд и встретился глазами с Фредди, стоявшим у догорающего костра. Маг не шевелился, его посох, казалось, врос в землю. В тусклом свете углей Эмиль отчётливо увидел, как в расширенных глазах Фредди отразился тот же немой вопрос, который только что вспыхнул у него самого.

Ответ пришёл без единого звука.

Эмиль, повинаясь привычке контролировать периметр, скосил глаза вверх, на толстую ветку, где дежурил один из эльфов. Дозорный сидел там мгновение назад, безупречный и бдительный.

А в следующую секунду эльф просто исчез.

Ни шелеста листьев, ни скрипа коры, ни сдавленного вскрика. Абсолютно беззвучно, словно его силуэт просто стёрли из реальности мокрой тряпкой. Прошло не более удара сердца в этой мёртвой, вакуумной тишине, в которой было слышно, как кровь стучит в висках Прыгуна.

Глухой, влажный стук.

Тело дозорного рухнуло на сырую траву прямо у корней дуба. Его глаза были широко распахнуты в немом ужасе, а от уха до уха тянулась ровная, глубокая рана. Горло было перерезано идеально, одним хирургически точным движением.

— К оружию! — крик Фредди разорвал тишину секундой позже, но его голос прозвучал как-то странно, глухо, словно через толстый слой ваты.

Но было уже поздно. Из непроглядной тьмы за пределами лагеря, словно капли чернил, растворяющиеся в воде, начали проступать фигуры. Они двигались слишком идеально. Быстрые, синхронные, почти бесшумные, они стелились над землёй единой, слаженной волной. У Эмиля по спине пробежал холодок: в их движениях не было хаоса атаки, была пугающая, неестественная выверенность. Казалось, они заранее знали, где стоит каждая телега, где лежит каждый раненый, словно они уже были здесь сотни раз, изучили каждый камень и репетировали эту бойню до тошноты.

Эмиль почувствовал, как воздух вокруг сгустился, запахло озоном и палёной гнилью. А затем появился маг. Творец этой чёрной магии ломал само пространство. Тени от повозок вдруг стали глубже, гуще, они потянулись к людям, как живые щупальца. Слабый свет костра «сломался», преломляясь под неестественными, острыми углами, создавая причудливые, обманчивые узоры на траве, которые мешали сфокусировать взгляд. Расстояния сошли с ума: повозка, до которой Эмилю было три шага, внезапно оказалась в десятке шагов, а край леса навалился прямо на паладинов, сомкнувших щиты.

— Строй! — взревел сэр Годфри, бросаясь наперерез двум теням. Огромный паладин нанёс сокрушительный удар двуручником, целясь точно в торс противника. И... противник оказался не там. Лезвие меча с гулом рассекло пустоту — пространство вокруг ассасина искрилось, и удар Годфри прошёл в шаге от цели.

С фланга басовито ухнул тяжёлый арбалет гнома. Бронебойный болт, способный пробить рыцарский доспех, полетел прямо в грудь нападающему. Он попал. Эмиль видел это отчётливо. Но вместо того, чтобы сбить тень с ног, болт бесследно канул в пустоту.

К Эмилю метнулась одна из теней, заноса изогнутый клинок. Прыгун, чьи инстинкты были заточены на выживание в аномалиях, ударил на опережение, блокируя атаку своим кинжалом.

Скрежет металла. В ту самую секунду, когда их клинки встретились, тень перед Эмилем «сдвинулась». Это был короткий, визуальный сбой, помеха, похожая на искажение голо-

граммы. На одно мгновение Трополаз увидел сквозь чёрные ткани. Там не было человека. Под иллюзией плоти скрывалось нечто иное — сложная, полупрозрачная геометрия чуждой, пульсирующей энергии, лишь «наложенная» на человеческий силуэт. Они не находились здесь полностью. Они были лишь проекциями.

Даже магия Странника оказалась бессильна поразить эти фантомы. Сражаясь на пределе концентрации с вражеским магом, который продолжал рвать пространство на куски, Фредди попытался ударить по надвигающимся теням шквалом лазурного огня. Но его заклинания просто проходили сквозь них, как сквозь густой туман. Всё, что смог сделать чародей, — это раскинуть над поляной вязкое заклинание стазиса, которое лишь немного замедлило неестественно быстрые движения проекций.

Он выиграл для отряда всего несколько секунд. Но именно эти секунды спасли экспедицию от неминуемой резни — без них призрачные клинки уже вонзились бы в плоть не успевающих реагировать бойцов.

В тот самый миг, когда теневой ассасин уже готов был снести голову ошеломлённому сэру Годфри, мир взорвался. Из глубин чёрного шатра Инквизитора неожиданно вырвался ослепляющий, режущий глаза свет. Он ударил плотной, пульсирующей волной, мгновенно расходясь во все стороны, словно посреди ночного лагеря взорвалось маленькое, нестерпимо яркое солнце.

Стоило этому священному сиянию коснуться теней, как они беззвучно схлопнулись и растворились в воздухе, осыпаясь на траву хлопьями серого пепла. Вражеского мага, который только что играючи искажал реальность на краю леса, эта световая волна ударила с мощностью разогнавшейся телеги. Невидимая сила оторвала его от земли, как тряпичную куклу, протаскала по воздуху и с жутким, тошнотворным хрустом впечатала прямо в ствол старого раскидистого дуба. Колдун обмяк и кулём рухнул в корни, больше не подавая признаков жизни.

Глава 7

Ослепительно белая вспышка погасла так же резко, как и родилась. На несколько ударов сердца поляна погрузилась в абсолютную темноту, а перед глазами бойцов ещё плясали выжигающие зрение пятна, прежде чем мир начал неохотно проступать обратно.

Маг отреагировал первым. Пока остальные ещё беспомощно моргали, пытаясь вернуть зрение, Фредди, тяжело опираясь на посох, целеустремлённо направился к старому раскидистому дубу. Там, в переплетении узловатых корней, неподвижно лежал вражеский колдун.

Фредди руководствовался золотым правилом любого опытного мага: сначала свяжи, потом проверяй пульс. Странник вскинул свободную руку, быстро прошептал короткую формулу, и с его пальцев сорвалась тугая, звенящая сеть из пульсирующих лазурных нитей. Магические путы с треском оплели тело колдуна, намертво пригвоздив его к стволу и надёжно блокируя любую попытку сотворить даже самое примитивное заклинание. Лишь убедившись, что пленник надёжно упакован, Фредди позволил себе осесть на землю, судорожно хватая ртом воздух.

Только после этого купол сверхъестественной тишины окончательно лопнул. В мир вернулись звуки: снова затрещали угли, в панике заржали лошади, зашумел холодный ночной ветер в кронах деревьев. Воздух был густо пропитан озоном и запахом сухой вековой пыли — словно они стояли не в живом лесу, а посреди только что вскрытого склепа.

Там, где мгновение назад заносили свои клинки жуткие проекции, теперь на влажную траву медленно оседал мелкий серый пепел, похожий на грязный снег.

— Лекаря! Сюда, живо! — яростный, срывающийся бас сэра Годфри окончательно развеял остатки оцепенения.

Эмиль, проморгавшись, мрачно направился к центру лагеря. Рядом с ним бесшумной тенью выросла Заира. В одной руке южанка по-прежнему сжимала свой изогнутый кинжал, а другой брезгливо стряхивала серый пепел со своей льняной рубахи. Бросив первый же взгляд на распростёртые тела, Прыгун резонно рассудил, что лекарь тут уже не поможет — разве что знакомый некромант с очень хорошими рекомендациями.

Рядом с дубом лежал эльф с перерезанным горлом. Чуть поодаль Годфри уже стоял на коленях перед двумя своими братьями по оружию.

Сэр Освальд из Ордена Спящего Золотого Дракона и сэр Бодуэн, паладин Великого Ордена Иуды Великомученика, были мертвы.

Эмиль подошёл ближе и внимательно присмотрелся к павшим. От того, что он увидел, по спине снова пробежал неприятный холодок. На великолепных доспехах не было ни единой царапины, ни одной вмятины. Тяжёлые ростовые щиты, за которыми они пытались укрыться, остались абсолютно нетронутыми. Призрачные клинки теней просто проигнорировали материальные преграды. Для интендантов Великих Орденов это, конечно, была прекрасная новость — броню даже полировать не придётся, можно сразу выдавать следующему смертнику. А вот для самих носителей...

Удар, убивший Освальда, материализовался прямо внутри его закрытого шлема — изпод стального забрала на серебряную чеканку натекала тёмная лужица крови. Бодуэн лежал с пробитым сердцем: теневое лезвие прошло сквозь толстую монолитную кирасу так же легко, как рука проходит сквозь утренний туман.

Шуршание плотной ткани прервало его мрачные мысли. Полог чёрного шатра откинулся. На залитую лунным светом и засыпанную серым пеплом поляну неспешно шагнул Инквизитор. На его сутане не было ни единой пылинки, а лицо оставалось пугающе спокойным, словно

расправа над отрядом пространственных убийц была для него не более чем досадной задержкой перед сном.

Павших паладинов Орденов он проигнорировал с поистине святым равнодушием, словно это был просто неудачно брошенный кем-то реквизит. Его ледяной, немигающий взгляд мгновенно зафиксировался на вражеском колдуне, валяющемся у корней дуба.

— Вы двое, — его голос не повышался, но в наступившей тишине резал слух хлестче кнута. Он сделал короткий, небрежный жест. — Притащите его ко мне. Быстро.

И вот тут Эмиль с искренним изумлением осознал, к кому именно обращался Инквизитор. По обе стороны от входа в палатку, напоминая две очень дорогие садовые статуи, стояли закованные в латы паладины королевской гвардии. Всё это время, пока лагерь отчаянно рубился с теньями, а люди гибли от призрачных клинков, эти двое даже не шелохнулись. Они просто стояли с обнажёнными мечами, героически охраняя... вход в палатку начальства. Инструкция есть инструкция: пусть мир горит синим пламенем, но в палатку без доклада никто не войдёт.

Услышав приказ, гвардейцы синхронно, без лишних эмоций сунули клинки в ножны и грузно зашагали к дереву.

Фредди-Странник, тяжело опираясь на посох и дыша так, словно только что пробежал марафон с телегой на плечах, сделал полшага наперерез.

— Он надёжно обездвижен моей сетью, ваше преподобие, — хрипло доложил местный маг, смахнув холодный пот со лба. — И в глубоком беспамятстве. Пеленать его дальше нет нужды.

Инквизитор медленно перевёл свой колючий взгляд на Странника. Его тонкие губы едва заметно дрогнули, изобразив вежливую снисходительность охотника, которому пёс торжественно приволок утку, подстреленную самим же хозяином.

— Благодарю, маг. Я знаю, — голос человека в чёрном источал холодное, железобетонное превосходство. — Как раз этого я и добивался.

Эмиль, наблюдавший за этой сценой от дерева, мысленно снял перед ним воображаемую шляпу. Высший пилотаж! Одной короткой фразой он элегантно обесценил чужую работу... и даже не бахвалился — он просто буднично присвоил себе весь триумф. От этой ледяной, монументальной наглости Прыгуну стало почти уютно. Знакомые правила игры.

Тем временем гвардейцы уже почти дошли до лежащего под дубом колдуна. Однако Фредди, не сводя спокойного взгляда с ледяных глаз Инквизитора, сделал едва уловимое движение своим деревянным посохом.

Вражеский маг, всё так же туго спелёнутый лазурной сетью, вдруг плавно оторвался от земли, проплыл по воздуху мимо опеших гвардейцев и с глухим стуком приземлился у начищенных сапог человека в чёрном.

— Ваша добыча, ваше преосвященство, — с лёгкой, вежливой улыбкой произнёс Фредди, чуть склонив голову в показательном полупоклоне.

Прыгун, с интересом следивший за этой негласной дуэлью самолюбий, не сдержался, и вслед за Странником лёгкая, ироничная усмешка коснулась его губ.

«Фредди, Фредди... а ты не так прост, как я думал», — с искренним уважением подумал Прыгун.

Тяжёлые шаги сэра Годфри возвестили о его приближении громким лязгом и чавканьем сырой земли. Его кираса, ещё на закате слепившая глаза, теперь выглядела так, будто паладин взял сверхурочную смену на местной скотобойне. Перемазанный грязью и свежей кровью, командир остановился перед Инквизитором.

— Ваше преосвященство, — басовито отрапортовал паладин, коротко склонив голову. — Нападающие полностью уничтожены. Но мы умылись кровью. В первой волне от рук нападавших пали сэр Лоран и мастер Торвиг. А затем пришла эта теневая дрянь... Убиты дозор-

ный Ильман и ещё двое братьев из Орден — сэр Освальд и сэр Бодуэн. Враг использовал нечистую магию: их клинки проходили сквозь наши щиты и доспехи, как сквозь туман. Нам крупно повезло, что вы...

Пока Годфри докладывал, Заира бесшумной тенью скользнула к начищенным сапогам начальства. Присев на корточки рядом со спеленатым лазурной сетью колдуном, она бесцеремонно откинула капюшон с его головы и прижала два тонких пальца к шее пленника. На несколько секунд южанка замерла, прислушиваясь, а затем её губы изогнулись в кривой, насмешливой улыбке.

— Вынуждена вас огорчить, ваше преосвященство, но это больше не ваша добыча, — с любезностью сообщила Заира, глядя снизу вверх на человека в чёрном. — Он уже отправился на чаепитие к Владычице Безмолвных Барханов. У парня сломана шея.

— Видимо, в споре между вашим божественным заклинанием и вон тем дубом его позвонок оказался слабым аргументом, — добавил Фредди.

Эмиль у дерева едва подавил смешок, поспешно превратив его в тактический кашель. Какая восхитительная ирония! Выйти из палатки с грацией сошедшего божества, элегантно отжать у подчинённого лавры за поимку ценного «языка»... и тут же узнать, что ты только что пафосно присвоил себе авторство в убийстве единственного источника информации!

Инквизитор даже не моргнул. Известие не вызвало на его бледном лице ни капли досады или смущения. Он принял эту новость с тем же пугающим, монументальным равнодушием, с которым взирал на трупы паладинов.

Его колючий, ничего не выражающий взгляд медленно скользнул по дерзкой Заире, задержался на хмуром Годфри и, наконец, остановился на Фредди.

— Зовите меня отец Кассиан, — произнёс он ровным, ледяным голосом, давая понять, что разговор об этом печальном инциденте окончен навсегда.

Кассиан брезгливо перешагнул через труп мага, словно это была просто грязная лужа.

— Выверните этот кусок мяса наизнанку, — бросил он гвардейцам. — Каждую руну, каждый клочок пергамента, каждую нитку с заклинанием — на мой стол.

Затем его холодный, цепкий взгляд прошёлся по выжившим, безошибочно вычленив из измученной, перепачканной толпы тех, кто ему нужен.

— Сэр Годфри, мастер Фредди, мастер Барнаби. А также старшие от отрядов эльфов и гномов, — голос Инквизитора звучал сухо и по-деловому, словно они находились не на залитой кровью лесной поляне, а в кабинете столичного чиновника. — Распорядитесь насчёт раненых и убитых, и немедленно ко мне. Жду вас в моей палатке через десять минут.

Как только полог чёрной палатки сомкнулся за спиной начальства, сэр Годфри тяжело выдохнул. Его усталость словно рукой сняло — паладин снова превратился в железного командира.

— Вы слышали приказ! Шевелитесь! — рявкнул он, и его бас гулким эхом раскатился по поляне. — Выставить дозоры! Лекаря к раненым! Тела наших павших братьев собрать отдельно у дальних телег, накрыть плащами и подготовить к погребению. А эту мразь стащите к центральному огню. Я хочу посмотреть в их мёртвые глаза.

Через несколько минут Эмиль, Фредди и Годфри уже стояли над сваленными в кучу телами из первой волны. Наёмников было пятнадцать. Их явно недооценили. К ним, неслышно ступая по влажной траве, присоединилась Заира. Прыгун присел на корточки, профессионально изучая экипировку трупов. Никаких гербов, воронёная сталь, не дающая бликов, первоклассная лёгкая кожа, не стесняющая движений...

Заира бесцеремонно перевернула одного из мертвецов носком сапога. Наклонившись, она выдернула из его окоченевшей руки специфический изогнутый клинок, а затем резким движением разорвала ворот его окровавленной куртки. На смуглой коже шеи проступила угольно-чёрная татуировка — свернувшаяся кольцом кобра с двумя хвостами.

— Какая прелесть, — ядовито усмехнулась южанка, брезгливо вытирая пальцы о штаны.
— А мы, оказывается, очень важные птицы.

— Узнаешь? — хмуро спросил Годфри, нависая над ней.

— Ещё бы. Двухвостая Кобра. Синдикат ассасинов, — Заира пренебрежительно бросила кинжал обратно на труп. — Это элитные убийцы. Тот, кто нанял этих ребят на такую дальнюю командировку, выложил за сегодняшний спектакль столько золота, что можно было бы купить небольшой портовый город.

Фредди задумчиво пожевал губу, тяжело опираясь на свой посох.

— Элитные южные ассасины, плюс пространственная магия теней... — тихо проговорил маг. — Нас не пытались ограбить или напасть.

Эмиль мрачно кивнул, поднимаясь на ноги. Дела принимали совсем паршивый оборот. Кто-то невероятно влиятельный и очень богатый желал их смерти.

— А что скажешь про нашего колдуна со свёрнутой шеей? — негромко спросил Эмиль, повернувшись к магу. — Эти фокусы с призраками, которым абсолютно плевать на сталь Великих Орденов... Где такому учат?

Фредди нахмурился, машинально поглаживая гладкое дерево своего посоха. Было видно, что этот вопрос тревожит его больше всего остального.

— Нигде по эту сторону ледников Белого Рубежа, мастер Трополоз, — мрачно отозвался Странник, бросив невольный взгляд на север. — То, что мы видели, — не наша школа. Много веков назад наш Орден пережил жестокий раскол. Группа магов, жаждавших запретных знаний о пустоте и тени, ушла далеко на север, за вечные льды Врат Стужи. Они основали свой ковен и с тех пор практикуют там очень тёмную, извращённую магию. Создать проекцию, которая игнорирует материальную преграду, но убивает физическое тело — их фирменный почерк. Но в наших землях этих отступников не видели уже добрых три сотни лет.

— И благодаря нашему святому начальству один из них только что утащил в могилу единственную ниточку, — едва слышно, но с нескрываемым ядом добавила Заира. Затем её тёмные глаза подозрительно сощурились, сфокусировавшись на Эмиле. — Кстати, мастер Барнаби... А где это трополазы учатся двигаться так, что за десять секунд успевают выпотрошить двух ассасинов? Для скромного знатока козых троп вы уж больно ловко обращаетесь с кинжалом.

Эмиль мысленно чертыхнулся. Он надеялся, что в ночной суматохе его маленькое представление останется незамеченным.

— Жизнь в диком лесу полна сюрпризов... — начал было он, напуская на себя невозмутимый вид и лихорадочно придумывая правдоподобную байку о стычках с медведями.

— Время вышло, — глухо прервал его спасительный бас Годфри. Паладин бросил тяжёлый взгляд на луну, а затем в сторону чёрной палатки, не обратив внимания на повисшее между южанкой и следопытом напряжение. — Разговоры оставим на потом. Идёмте. Пора послушать, что скажет его преосвященство.

Плотный чёрный полог сомкнулся за их спинами, разом отсекая суету приходящего в себя лагеря. Внутри царил оглушительная, давящая на уши тишина.

Обитель отца Кассиана вызывала у Прыгуна острое желание немедленно выйти обратно. Интерьер явно проектировал депрессивный гробовщик, сидевший на строгой диете. Никаких шкур, пёстрых ковров или позолоты, столь любимых многими высокопоставленными церковниками. Жёсткая походная койка, пара кованых сундуков да широкий рабочий стол. Не хватало только стока для крови в полу да парочки раскалённых щипцов на видном месте — исключительно для создания домашнего уюта и чтобы гости не забывали, к кому именно они зашли на огонёк.

Под самым потолком беззвучно пульсировал магический светильник, заливая пространство мёртвенно-белым, бестеневым светом, в котором лица вошедших казались обескровленными.

На столе, прямо поверх развёрнутых карт маршрута, уже покоились трофеи. Гвардейцы Инквизитора сработали оперативно: рядом с чернильницей лежал кривой посох из странного бледного дерева, чьё навершие подозрительно напоминало скрученный в узел человеческий позвоночник, и пара потемневших серебряных амулетов. От этих артефактов даже на расстоянии разило такой густой, липкой тьмой, что Эмилю захотелось помыть руки с мылом.

Участники совета тяжело сгрудились вокруг стола. Сэр Годфри, так и не снявший перемазанную чужой кровью кирасу, нависал над картами мрачной скалой. Фредди, тяжело опираясь на свой посох, искусно играл роль измученного дедушки, хотя его глаза цепко изучали трофеи мертвеца.

Эридан замер в углу изваянием из белого мрамора; его скорбь по павшему Ильману выдавали лишь побелевшие костяшки пальцев, намертво стиснувших рукоять сабли. Гном Брогрин, напротив, напоминал готовую рвануть пороховую бочку — он шумно сопел в заплетённую косичками бороду, а его мозолистые кулаки постоянно сжимались и разжимались, словно всё ещё сдавливая горло невидимого врага в отместку за смерть Торвига.

Эмиль встал чуть позади остальных, скрестив руки на груди. После неудобных вопросов Заиры снаружи он надел на лицо свою лучшую маску «я просто наёмный рабочий, моя хата с краю» и приготовился конспектировать грядущую бюрократическую драму.

Отец Кассиан стоял во главе стола, заложив руки за спину. Его бледное лицо в свете магического шара казалось высеченным из куска мрамора. Он не смотрел на людей — он смотрел на костяной посох, словно вёл с ним немой диалог.

Наконец, Инквизитор поднял голову. Его глаза, лишённые каких-либо признаков человеческого сострадания или усталости, медленно обвели собравшихся.

— Итак, господа, — его ровный, лишённый малейших эмоций голос мгновенно заморозил и без того тяжёлую атмосферу в шатре. — Лишние слова здесь ни к чему. Мы потеряли время, мы потеряли верных слуг Света и столкнулись с магией, которую наши земли не знали веками.

Кассиан сделал короткую паузу, словно давая своим словам впитаться в подкорку каждого из присутствующих.

— Я хочу услышать ваши выводы. Что вы думаете об этом нападении? И самое главное — кого нам за это благодарить?

Гнетущую тишину, в которой было слышно лишь хриплое дыхание гнома, первым нарушил сэр Годфри. Паладин выпрямился, и окровавленные пластины его доспехов глухо звякнули.

— Первая волна — пятнадцать клинков, отец Кассиан, — сухо отпарентовал Годфри, глядя Инквизитору прямо в глаза. — Заира, наёмница нашего ордена, опознала татуировки на их телах. Это Синдикат Двухвостой Кобры, элитные южные ассасины. Тот, кто нанял их для операции на землях Верхнего Королевства, выложил сумму, на которую можно было бы купить небольшой портовый город. Что же касается убитого колдуна... Как вы совершенно точно заметили, это магия, которую мы давно не встречали. Мастер Фредди подтверждает вашу догадку: эти теневые проекции — почерк отступников из-за ледников Белого Рубежа.

Инквизитор едва заметно кивнул. Слова Странника лишь подтвердили его собственные выводы, не став сюрпризом.

Эридан, командир эльфов, бесшумно сделал шаг вперёд. Он не стал рассыпаться в поклонах, а просто указал подбородком на искривлённый посох. Его лицо было напряжённым, но голос звучал твёрдо.

— Это не человеческая кость, отец Кассиан, — произнёс эльф, и в шатре стало ещё холоднее. — Это Бледный Ясень. Дерево растёт только в наших священных рощах. Оно очень прочное и отлично проводит магию, а при определённой обработке его почти не отличить от кости. Но форма наворачия и способ полировки не оставляют сомнений. Это работа эльфийских мастеров. Причём хороших мастеров.

Эмиль, стоя в своём углу, мысленно присвистнул. Сюжет закручивался с грацией пьяного акробата.

«Ну просто сказка, — восхищённо подумал Прыгун, поглубже засовывая руки в карманы. — Южные мясники, северный отморозок с теньями и остроухие подельники с контрабандным бревном. А мы ещё даже до гор не дошли».

Отец Кассиан медленно поднял взгляд от посоха. Его глаза, казалось, вообще не отражали света магической сферы.

— Юг, Север и священные рощи... — словно прочитав мысли Эмиля, сказал Инквизитор с пугающей вежливостью. — Какое трогательное единодушие в желании остановить нашу скромную экспедицию.

Его ледяной взгляд сместился с эльфийского посоха на два потемневших серебряных амулета. От них всё ещё тянуло холодным, тошнотворным сквозняком, от которого у обывателя мгновенно разболелась бы голова.

— А что скажете об этих украшениях, мастер Странник? — сухо поинтересовался отец Кассиан. — Вы успели их осмотреть?

Фредди тяжело переступил с ноги на ногу и склонился над столом, щурясь. Он благополучно не стал прикасаться к артефактам, изучая их плетение на безопасном расстоянии.

— С первым всё предельно ясно, ваше преосвященство, — хрипло отозвался маг, указав узловатым пальцем на круглый кулон. — Довольно банальная вещь, хоть и качественной работы. Обычный накопитель. Магическая «губка», резервуар для силы. Именно он позволил этому отступнику так долго поддерживать сразу несколько теневых проекций, не истощив собственный резерв.

— А второй? — нетерпеливо, но без единой эмоции в голосе поторопил Инквизитор.

Густые брови Странника сошлись на переносице. Он задумчиво пожевал губу, не отрывая взгляда от второго амулета, имевшего странную, асимметричную форму.

— Со вторым всё гораздо сложнее. Мне нужно время и спокойная обстановка, чтобы аккуратно разобрать его структуру. Плетение внутри него крайне нестабильно, и, признаться честно... оно мне совершенно незнакомо. Это не запретные техники Севера. В нём скрыта какая-то совершенно иная, чужеродная магия. С подобными эманациями я за всю свою долгую практику ни разу не сталкивался.

Эмиль в своём тёмном углу мгновенно подобрался. Чужеродная магия? А вот это уже было по-настоящему интересно. Прыгун мысленно поставил галочку: за Фредди и его исследованиями теперь нужно будет следить в оба.

— Изучайте, мастер Странник, — ледяным тоном отрезал Кассиан. — Но будьте предельно осторожны.

Инквизитор обвёл всех присутствующих холодным взглядом.

— Если больше вам нечего добавить, то вы свободны, господа. Постарайтесь хорошенько отдохнуть. Завтра с утра, сразу после того, как мы проведём все посмертные ритуалы по нашим павшим, отправляемся в путь. Думаю, впереди нас ждёт ещё не один сюрприз. Давайте не будем разочаровывать наших недоброжелателей опозданием.

Глава 8

Выбравшись из-под глухого чёрного полога, Эмиль первым делом с наслаждением втянул носом воздух. После мёртвенной, стерильной стужи инквизиторского шатра прохладный ночной бриз, пахнувший корой, хвоей и влажной лесной землёй, казался настоящим нектаром.

Сэр Годфри с лязгом стянул латную перчатку и провёл грязной, огрубевшей ладонью по лицу. В неровном свете костров паладин выглядел так, будто держал на своих плечах половину небосвода.

— Святой отец дал мудрый совет, — тяжело произнёс Годфри, бросив мрачный взгляд туда, где у телег лежали накрытые плащами тела паладинов, — Отдыхайте. Завтра будет долгий день.

Эридан и Брогрин не стали задерживаться. Командир эльфов лишь скупно кивнул на прощание и бесшумной тенью растворился во мраке. Гном глухо и злобно рыкнул что-то неразборчивое в бороду и тяжело зашагал к баррикадам из телег.

Оставшись втроём с паладином и магом, Эмиль притормозил. В его богатом опыте прошлых жизней лучший способ пережить адреналиновый отходняк всегда сводился к одному простому рецепту. Выдержав небольшую паузу, Прыгун негромко произнёс:

— Сэр Годфри, мастер Фредди... Учитывая, что мы все сегодня избежали весьма неприятного свидания с костлявой, у меня есть предложение. В моём рюкзаке припрятана бутылочка на удивление приличного южного вина. По одному кубку? Исключительно в медицинских целях, чтобы смыть вкус крови и унять нервную дрожь.

Годфри замер. Медленно переведя на Трополаза тяжёлый, потухший взгляд, он отрицательно покачал головой.

— Благодарю за заботу, Барнаби. Но эта ночь не для вина. Мне предстоит проверить дозоры, а потом... — паладин снова посмотрел в сторону телег. — Мои собратья сегодня отдали жизни за Свет. Мой долг — стоять рядом с ними в молитве. Да хранят вас боги.

Звякнув окровавленным металлом, Годфри развернулся и тяжело зашагал к центральному костру, унося с собой свою вину и горе.

Эмиль с пониманием промолчал ему вслед. Смерть быстро стирает улыбки. Эмиль, за плечами которого были десятки потерянных товарищей, как никто другой понимал эту тяжёлую, выжигающую душу грусть командира.

Вздохнув, он повернулся к магу, вопросительно приподняв бровь.

— А вы, мастер Странник? Отказ не принимается. Левитация колдуна прямо под ноги к Инквизитору достойна отдельного тоста.

— Вы мне льстите, Барнаби. Но вынужден отказаться. Я сегодня вычерпал свой резерв, — маг слабо похлопал себя по груди. — Если я сейчас сделаю хоть глоток алкоголя, то либо усну стоя прямо здесь, либо нечаянно подожгу половину лагеря. Мои кости требуют только горизонтального положения.

Маг слабо кивнул на прощание и медленно побрёл к своей палатке.

Эмиль остался один. Впрочем, кому, как не ему, было привыкать к одиночеству? За бесчисленную череду прожитых жизней и чужих миров оно давно стало его самым верным, пусть и не слишком разговорчивым спутником. К тому же сейчас душу приятно грела мысль, что в тёмной палатке его всё-таки кое-кто с нетерпением ожидает. Точнее, не «кто», а «что» — пузатая стеклянная бутылка, полная терпкого изумрудного нектара. Стараясь не привлекать внимания, Эмиль растворился в ночной тени, предвкушая долгожданный глоток спокойствия.

Добравшись до своей палатки, Эмиль откинул брезентовый полог и шагнул в душный полумрак. Безошибочно нащупав в темноте походный мешок, он аккуратно развернул запас-

ную тунику и извлёк на свет своё главное сокровище на эту ночь — тяжёлую, прохладную бутылку из тёмного стекла.

Прыгун опустился на жёсткий походный тюфяк, покрутил вино в руках и прислушался к своим ощущениям. Внутри пахло сырой тканью, залежалой пылью и оружейной смазкой. Пить великолепное сичилское вино в этой тесной, глухой коробке вдруг показалось ему чуть ли не кошунством. Палатка своей теснотой слишком напоминала гроб, а мыслей о смерти на сегодня и так было с избытком.

«Пить в одиночку в четырёх стенах — это уже дурная привычка, а не заслуженный отдых», — философски рассудил Эмиль. Решение пришло само собой. Сунув вино под мышку, он развернулся и снова шагнул в ночь.

Выбравшись наружу, Прыгун остановился и задумчиво огляделся, подыскивая место, где можно было бы спокойно пристроиться. Взгляд скользнул по тёмному силуэту массивного дерева на краю поляны. Можно было бы усесться там, привалившись спиной к надёжному стволу, но после того, как из чащи на них вывалился десяток вооружённых ассасинов, лес больше не внушал ни малейшего желания устраиваться поблизости.

Река. Определённо, река.

Берег встретил его спасительной прохладой и мерным, убаюкивающим шелестом течения. Луна рассыпала по тёмной ряби серебряные монеты бликов. Эмиль отыскал удобный ствол поваленного дерева у самой кромки, уселся на него и с наслаждением вытянул гудящие ноги. Река дышала свежестью и умиротворяющей вечностью — именно тем, чего так не хватало сегодня ночью. Прыгун подцепил ножом упрямую пробку, с тихим хлопком открыл бутылку и прикрыл глаза, позволяя густому фруктовому аромату вытеснить из памяти запах крови.

Эмиль сделал первый, долгий глоток прямо из горлышка. Сичилское оказалось превосходным — густым, с терпким привкусом тёмных ягод и дубовой бочки. Вино обожгло горло приятным огнём, который медленно растёкся по груди.

Прыгун с наслаждением выдохнул, сделал ещё один глоток и задумчиво уставился на серебристые блики луны, пляшущие на воде.

«У Мультивселенной, определённо, садистское чувство юмора», — с усмешкой подумал он, покачивая пузатую бутылку.

Меньше четырёх суток назад он продрал глаза на соломенном тюфяке в клоповнике Грязноводска. Мир казался до зевоты банальным: классическое средневековье, где отсутствие канализации компенсируется избытком суеверий. Эмиль планировал устроить себе здесь тихий отпуск: пить дешёвый эль, не отсвечивать и спокойно дожидаться следующего Пл-оп! Рядовая реальность, застрявшая в своём развитии.

И вот, пожалуйста. Прошло три с половиной дня.

За это время «скучный мир» умудрился выкрутить ручку абсурда до упора. Сначала — гонки на колесницах, больше похожие на незаконнорождённого сына скачек и боёв без правил. Изумительное представление. Затем — контракт на поход в горы, откуда уже умудрились не вернуться три экспедиции.

И как вишенка на торте: ночное нападение элитного синдиката ассасинов и северные отступники, швыряющиеся пространственными проекциями.

Прыгун прикрыл глаза, заново прокручивая в голове момент столкновения с бесплотными теньями. Он определённо видел этот эффект раньше и не раз.

В тех высокотехнологичных реальностях это называлось фазовым смещением. Чудовищно дорогое оружие, построенное на принципах квантовой запутанности и филигранной синхронизации спинов субатомных частиц. Клинок просто «выпадал» из привычной метрики пространства на долю секунды, проходил сквозь композитную броню или силовое поле, как сквозь воздух, и снова обретал плотность прямо внутри тела цели. Идеальное оружие для близких и средних дистанций.

И ему, кстати, удалось скрестить кинжал с одной из таких теней. Ладно, не стоит сейчас ломать над этим голову. Разберётся при следующем сражении.

Эмиль сделал ещё один глоток, неторопливо перекатывая на языке терпкое вино. В прохладной ночной тишине, нарушаемой лишь мерным плеском реки, в голове чётко оформился вопрос.

А нравится ли ему вообще этот мир? И главное — есть ли хоть одна веская причина оставаться в этом бродячем цирке?

Если провести честный аудит местной реальности, дебет с кредитом категорически не сходил. В колонке «минусы» были только минусы. Но что самое интересное, в колонке «плюсы» с удивительным упорством оказывались всё те же минусы.

Здесь люди не прикрывали жадность высокими словами о прогрессе, не маскировали жестокость тонкими юридическими формулировками и не строили из себя цивилизованных существ, одним нажатием кнопки уничтожая целые планеты. Здесь всё было проще. Паладины носили железо, как вторую кожу, инквизиторы не пытались выглядеть добрее, чем были, а убийцы приходили ночью с ножами, а не с дипломатическими улыбками и папкой контрактов.

В каком-то смысле это даже подкупало.

Эмиль хмыкнул и глотнул ещё вина.

Здравый смысл, уставший от его выходок за сотни жизней, орал благим матом: «Беги, придурок! Купи домик на южном побережье, заведи козу, назови её Кассианом и спокойно пей эль, дожидаясь следующего Пл-оп! в реальность с нормальными технологиями!»

Но у Эмиля был один серьёзный недостаток. Хронический, не лечащийся даже смертью недуг — маниакальное, самоубийственное любопытство.

Эти проклятые Хрустальные хребты с их прозрачными, глючащими небоскрёбами работали на него, как огромная красная кнопка с табличкой «Категорически не нажимать! Опасно для жизни!». Но как любой уважающий себя Прыгун, Эмиль физически не мог уйти, не ткнув в неё пальцем. Ему просто жизненно необходимо было выяснить, какой криворукий архитектор сломал базовый код этого мира и как эта аномалия выглядит вблизи.

«Ладно, Мультивселенная, твоя взяла, — улыбнулся Эмиль, салютуя почти пустой бутылкой лунной дорожке на воде. — Я остаюсь. Заодно посмотрю, как наше святое начальство будет отбиваться от местных глюков своими молитвами».

Он твёрдо решил дойти до гор. Главное теперь — сделать так, чтобы его не прирезали до того, как он ткнёт в эту кнопку.

Рассвет наступил неохотно, словно местное светило вспомнило, что оно вообще-то вегетарианец, и зрелище свежих трупов ему не по вкусу. Лагерь встретил утро неровным светом костров, чьё дрожащее свечение пыталось разогнать холодный, липкий туман, сползающий с деревьев.

Эмиль проснулся рано. Сичилское вино окончательно выветрилось, оставив после себя лишь ясную голову и урчащий желудок. Первым и единственно верным решением на утро был завтрак. Получив для этой цели кусок вяленого мяса, вчерашнюю лепёшку и едва тёплый травяной отвар, Прыгун понял, что он ещё не раз пожалеет о решении, принятом вчерашней ночью.

Усевшись на перевёрнутом ящике у слабого костра, он с энтузиазмом пытался разгрызть свой завтрак. Идиллию нарушила Заира. Южанка вынырнула из тумана бесшумной, грациозной тенью и опустилась на соседний ящик. Вытянула ноги к огню и с лёгкой, искренней улыбкой посмотрела на Прыгуна.

— Знаешь, Барнаби, — негромко произнесла она, забирая из его рук кружку с отваром, чтобы сделать глоток. — Для скромного знатока козых троп ты на удивление хорошо умеешь вызывать симпатию.

— Звучит почти как угроза. Или как комплимент. С тобой, признаться, я пока не до конца научился различать одно от другого. Но должен тебя предупредить: у меня очень узкая специализация. Я либо вызываю симпатию, либо большие неприятности. Есть стойкое ощущение, что всё зависит от того, что у меня в руках — бутылка или нож.

Она сделала маленький глоток из его кружки, даже не поморщившись от горького вкуса отвара, и вернула её Эмилю. В её тёмных глазах плясали смешинки, но взгляд оставался холодным.

— Думаю, ты одинаково опасен и с бутылкой, и с ножом. Просто по-разному. А симпатию у меня пока вызывает то, что ты до сих пор жив и раздражаешь не так сильно, как остальные.

— Чёртовски высокая оценка, — Эмиль салютовал ей кружкой с остатками остывшего пойла. — Обещаю и впредь старательно не умирать и раздражать тебя исключительно в умеренных дозах.

Заира тихо хмыкнула, наблюдая, как он делает осторожный глоток горького отвара.

— Не обольщайся, Барнаби. Это не одобрение. Это аванс.

— Авансы — вещь коварная, — с серьёзным видом кивнул Эмиль. — Обычно за ними следуют счета.

— Вот и посмотрим, сумеешь ли ты их оплатить.

Заира мягко, по-кошачьи поднялась на ноги. Она бросила на него последний, многообещающий взгляд и растворилась в тумане так же бесшумно, как и появилась. Эмиль мысленно выдохнул. «С этой южанкой нужно спать вполглаза. И желательно в шлеме».

Покончив с «подмёткой», гордо именуемой завтраком, Прыгун, отряхнув руки, поднялся.

Первым делом следовало найти сэра Годфри.

Паладин обнаружился у центрального костра, рядом с телами убитых ассасинов. За ночь трупы стащили в одну длинную, неряшливую кучу на краю поляны. Лица мертвецов уже начали терять последние остатки человеческого выражения, становясь одинаково чужими и пустыми. Их чёрные одежды пропитались кровью и росой, а на коже, там, где ткань успела разойтись, проступала та самая смуглая южная желтизна, которая у живых обычно казалась золотистой, а у мёртвых делала человека похожим на плохо отлитую восковую фигуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.